

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ • РЕКРУТ

П.Р.О.Е.К.Т
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО
ПОГРАНИЧЬЕ

Владимир Николаевич Васильев
Рекрут
Серия «Пограничье», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10674729
Рекрут : [фантастический роман] / Владимир Васильев. : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-088482-7

Аннотация

Центрум. Центральный мир вселенной, окруженный лепестками других миров, среди которых и наша Земля. Когда-то Центрум был велик и силен, но катастрофа отбросила его в прошлое. Здесь, на перекрестке тысяч и тысяч цивилизаций, несет свою вахту Корпус пограничной стражи, охраняющий границы между мирами...

Приморское государство Джаваль, по-южному богатое, ленивое и сонное, не любит перемен – да и зачем они, если безбедная и спокойная жизнь и так прекрасна? Однако именно в степях Джавалья начинается сложная многоходовая операция, в которую оказываются вовлеченными самые разные игроки – от спецслужб Клондала и Сургана до контрабандистов, бандитов и представителей пограничной стражи. Однако главной фигурой совершенно неожиданно становится молодой компьютерщик Костя Степанов, решивший подработать простым носильщиком у торговцев...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Васильев

Рекрут

Пролог

На столе коптила скверная восковая свеча. Да и стол был так себе: круглый, колченогий, с потрескавшейся и ничем не покрытой столешницей. Ни угощения на нем не стояло, ни закуски с выпивкой, ни даже колодезной воды в простецком глиняном кувшине.

Впрочем, помещение, в котором находился этот стол, и не подразумевало иной мебели: низкая, более похожая на пещеру, чем на комнату, келья с единственным узким оконцем-бойницей. Будь таких оконцев три-четыре, возможно, свеча и не понадобилась бы. А так она вполне вписывалась в интерьер, если это слово было в данном случае применимо.

Еще вокруг стола имелись табуреты – под стать самому столу. Вряд ли сидеть на таких – верх удобства. Но тем не менее почти все были заняты.

Спиной к оконцу сидел высокий худой человек; выбор именно этого места вряд ли был случаен, поскольку на светлом фоне невозможно было рассмотреть его лицо и одежду. Скорее всего, именно он главенствовал за столом, поскольку расстояние между ним и ближайшими соседями было вдвое больше, чем у соседей между собой, отчего казалось, будто он сидит напротив всех остальных, а не рядом с ними.

Кроме него, присутствовали пятеро: щуплый паренек в проволочных круглых очках и темно-синих нарукавниках, что за подобным столом выглядело вовсе не лишним. Пегие волосы его были тщательно зачесаны набок, одежда заботливо выглажена и подогнана, но все равно он выглядел неестественно в подобном облачении, как вчерашний пастушок, внезапно принятый на работу клерком в какую-нибудь мелкую окраинную контору.

Сосед справа, краснощекий крупный мужчина лет сорока пяти, щеголял пышными баками и богатым коричневым костюмом в крупную клетку. На голове он носил кепи из того же материала, что и костюм.

Далее расположился мужчина помоложе, крепкий, но не скажешь, что силач на вид. Просто не старый еще молодец в неброской одежде, больше похожей на пролетарскую робу или полувоенную форму, чистую и незаношенную.

Четвертый, молодой человек с острыми чертами лица и длинным носом, мог похвастаться пушистой, вьющейся колечками шевелюрой. Если бы он внезапно поседел, он живо напомнил бы одуванчик, но шевелюра его была черная как смоль. В остальном, в том числе и в плане одеяния, он походил на клерка-пастушка, только очков и нарукавников не носил. Очки, скорее всего, зря – молодой человек то и дело близоруко щурился.

И пятый, атлетично сложенный мужчина в самом расцвете сил, кажущийся на фоне остальных просто громилой; то, что он пренебрег рубашкой или курткой, только усиливало впечатление. Этот был огненно-рыж, носил короткую стрижку ежиком и возвышался на правом фланге, как скала над бухтой.

За столом совещались.

– Операция многоступенчатая и сложная, – говорил предводитель сухо и напористо. – Важна каждая деталь, каждый штрих, и ни на одном этапе не должно возникнуть заминок или проблем. Это как спуск по крутой лестнице: вовремя не ступишь на очередную ступеньку – покатишься вниз кубарем и свернешь шею. Поэтому каждый должен вылизать свою часть программы до блеска и с таким же блеском воплотить ее в жизнь в означенный час. Не раньше, не позже, мы не на скачках. Точно в срок и без сюрпризов. Ты нашел подходящего исполнителя?

Последние слова предназначались молодцу в робе.

– Еще нет, но найду, как только велите начинать. В Маранге нетрудно подобрать подходящего человека. Наметки и мысли у меня есть, осталось выбрать из полудюжины кандидатов.

– Хорошо. Грими, как в Тала-Мазу?

– Заканчиваем, Прим! Помещения в «Черепaxe» уже почти готовы, – заговорил господин с бакенбардами. – С кланами и гильдией я практически договорился, осталось унять шантрапу и предупредить всех независимых торговцев. Да и вообще наша часть операции фактически последняя, куда нам торопиться?

– В прошлый раз ты говорил точно так же! – неодобрительно заметил предводитель.

– В прошлый раз нам должны были помочь пограничники и не помогли, – ответил Грими печально. – А я все-таки не волшебник.

– Очень плохо, – проворчал предводитель. – Лучше бы ты был волшебником.

– Рад бы. – Краснощекий развел руками. – Да и вообще, Прим, если честно, меня больше волнуют не переговоры с бандитами, а чтобы вот этот вот рыжий ирландский терминатор, жварги его заешь, не влез раньше времени куда не надо.

– Не влезу, – снисходительно произнес рыжий великан. – Главное, чтобы вы пригнали дичь в нужное место. А уж там я выступлю.

– Ладно... – прервал их предводитель. – Что в «Зеленом причале?» Да и вообще в Харитме?

Заговорил клерк – черный одуванчик:

– Сурганцев полным-полно. Следят за всеми приезжими, кто может представлять интерес – с их точки зрения, разумеется. Дважды пытались меня завербовать.

– И как?

– Завербовался, конечно. Стучу помаленьку на постояльцев. Даже платят, представляете!

– А почему дважды?

– А потому что у них в Сургане, как обычно, правая рука не знает, что делает левая. В общем, работаю и на военную разведку, и на эту их Сигуранцу, как ее там...

Даже на фоне окна было видно, что предводитель недовольно поджал губы.

– Вообще-то названия сурганских спецслужб ты должен ночью, спросонья и если надо – по-аламейски без запинки перечислить, тебе не кажется? – сухо спросил он.

Однако одуванчик и не подумал присмиреть.

– Я-то должен, – ухмыльнулся он как ни в чем не бывало. – А клерку Фрагушу-то это зачем?

Предводитель устало прикрыл глаза, утешая себя мыслью, что хоть этого никто из присутствующих не заметит.

– Да не переживайте вы, Прим, господин префект и господин советник непременно встретятся, уж это-то я давным-давно подготовил! – сказал одуванчик с уверенностью человека, прекрасно сознающего собственные возможности.

Предводитель вздохнул и сокрушенно покачал головой. «Как же вы меня достали, обороты», – возможно, подумал он. А возможно, и не подумал.

– Ладно, дальше. Что с пограничниками? Что наш ненаглядный Улаф?

Вновь заговорил молодец в робе:

– С ним вообще никаких проблем возникнуть не должно. Скорее всего эта нордическая жадина просто повысит процент за проход, да и все. А если постесняется (в чем я лично сомневаюсь), сам предложу, делов-то.

Предводитель помолчал. Потом отрывисто бросил:

– Будем надеяться...

Помолчал еще и добавил:

– Ну и последнее... Что Филиппенко? И где он, кстати, почему не прибыл?

– Сами знаете, Прим, ему труднее всего, там клондальцы вовсю развернулись, – виновато произнес обладатель очков и нарукавников. – Но пан майор так врос в Джаваль, а Джаваль в него... Да и не успеют клондальцы, ничего не успеют, процесс уже пошел. Если вы наконец дадите команду начинать основную фазу, точно не успеют. Физически.

Предводитель еще раз вздохнул, что-то в уме взвесил и решительно приказал:

– Что ж... Начинайте!

Часть первая

День не задался с самого утра.

Во-первых, Костя проспал. В принципе ничего фатального, но в девять он обещал позвонить маме и продиктовать наконец-то показания электросчетчика. Мама вторую неделю его тиранила по этому поводу, и сегодня был фактически дедлайн: с утра мама собиралась идти оплачивать счета всех трех квартир – родительской, Веркиной и его, Костиной. У мамы на этот счет был давний пунктик, всю жилищную бухгалтерию она целиком подмяла под себя, потому что считала молодежь разгильдяями, и, говоря начистоту, касательно Кости была совершенно права: предоставленный сам себе, коммуналку он оплатил бы в лучшем случае лишь после визита судебных приставов. Не потому что жался или там денег не хватало – просто в силу того, что всегда находилась тысяча более важных дел. Поэтому против маминой инициативы он нисколько не возражал и покорно отстегивал сколько велено – чаще всего с сильным опозданием, потому что к маме навещался редко, а его самого застать можно было только глубокой ночью, да и то не всегда. Однако насчет денег мама никогда его не пилила, зато насчет показаний электросчетчика... Позвони она хоть раз когда Костя был дома – проблема решилась бы автоматически. Но звонок мамы заставлял Костю где угодно – в маршрутке, в пивной, в лифте «Сити-центра», в очереди на кассе супермаркета, в общественном туалете парка ВРЗ, в постели у Машки – но только не дома.

Костя схватил мобильник – отключен. Батарея села, нет сомнений, он еще вчера еле живой был. А на зарядку его воткнуть Костя, конечно же, не удосужился. Пришел ночью, воды похлебал и отрубился, даже раздеться сил не хватило.

Из домашнего телефона Костя выдернул шнур еще на прошлой неделе: очень не хотелось, чтобы в минувшую субботу с утра разбудил какой-нибудь доброхот, ну он и выдернул линию из разъема. А назад воткнуть, разумеется, позабыл.

Часы на серванте показывали без четверти одиннадцать. Матерясь, Костя отыскал на захламленном столе зарядник, подключил его к сети, а к нему мобильник и побрел в туалет.

Потом он умылся, нехотя поелозил по зубам щеткой, выплюнул в раковину розовую пену, прополоскал рот и поглядел на себя в зеркало.

«Щетина отросла... – с отвращением подумал Костя. – Побриться, что ли?»

Но было лень. Не сегодня, однозначно.

В холодильнике нашлась только одинокая банка маринованных огурчиков. Огурчиков было всего три, остальное – зелень, а поверхность рассола на полпальца покрывал слой застарелой белесой плесени.

Костя закрыл дверцу холодильника и подумал:

«Хочешь, не хочешь – а придется дойти до #Разбойника»».

«Разбойником» аборигены называли кафе на Беляева. Реально оно именовалось «Морской бой», причем даже владелец не знал почему. Купил он кафе вместе с названием и менять, к счастью, ничего не стал. «Разбойник» всегда был популярен в народе, невзирая на достаточно аскетичное убранство и далеко не гурманскую кухню. Однако пиво там всегда наливали свежее и неразбавленное, а это, как правило, залог всенародной любви, особенно в пролетарских районах типа той же Пакли. Недоливают, конечно, но куда ж в России без этого? Зато не разбавляют! И чебуреки всегда горячие и вдобавок вкусные.

У студентов и пэтэушников «Разбойник» пользовался не меньшей популярностью, чем у рабочих льнокомбината и торговцев с ближайших рынков, поскольку тут всегда можно было бюджетно и без ощутимого вреда для желудка подкрепиться. Правда, у молодежи в фаворе ходили не чебуреки, а недорогая, но вполне съедобная пицца или сосиски с гренками. А завсегдатаям так и вообще всегда были готовы предложить яичницу, хотя в меню она не

значилась. Эстеты могли заказать горячие тюрингские колбаски, вкусные просто волшебны. Совсем своим иногда наливали в кредит.

В общем, «Разбойник» не пустовал ни с утра, ни днем, ни поздними вечерами.

Костя торопливо оделся, сунул ноутбук в сумку, пошарил в кармане джинсов – полтыщи рублей наличествовало – и выскочил из квартиры.

Мобильник он, конечно же, взять забыл.

В «Разбойнике» Костя заказал бокал светлого и пиццу, включил ноут и немедленно в него уткнулся. Рабочей почты, к счастью, не наприходило, зато в скайпе нашелся шеф. И кто б сомневался – от него сразу приехал звонок.

Сокрушенно вздохнув, Костя ответил. На экране возник лик шефа – безукоризненная прическа, образцовая выбритость, белоснежная рубашка, узкий галстук. И глаза, стальные-стальные, как у подводника северного флота из песни.

– Здравствуй, Степанов, – вкрадчиво поздоровался он.

– Бон джорно, шеф, – вздохнул Костя и решил не влиять: – Опять я проспал... Сейчас пиццу сжую – и в офис.

– Я вынужден снова тебя оштрафовать, – сказал шеф печально.

– Я понимаю, – покорно кивнул Костя.

– В другом месте тебя давно выгнали бы... – заметил шеф еще печальнее.

Пока Костя лихорадочно соображал, что ответить, ноут вдруг фальцетом пискнул, и картинка зависла. Еще через пару секунд экран и светодиоды над клавиатурой дружно погасли, а самое неприятное – отчетливо запахло горелым пластиком.

– Ну вот же ексель-моксель, – просипел Костя, выждал с полминуты и несмело утопил кнопку включения. Ноут никак не прореагировал – с тем же успехом можно было тыкать пальцем в силикатный кирпич.

«Может, батарея села?» – подумал Костя, прекрасно сознавая, что малодушно обманывает себя. Но поделаться ничего не смог: захлопнул крышку, цапнул ноут и метнулся к стойке:

– Люсь, солнышко! Покарауль минутку, я домой сбегать! Ноут разрядился, а я блок питания не взял...

Барменша и по совместительству официантка равнодушно пожала плечами: беги, мол. Ноут она убрала под прилавок, чтобы зря не маячил.

Под истерическое стенание микроволновки (разогрелась пицца) Костя опрометью выскочил за дверь и рысцой припустил к перекрестку. Если не снижать темп, минуты через четыре он вполне успевал к своему подъезду.

Даже почти успел: Шпиц перехватил его на повороте во двор.

– О! На ловца и зверь бежит!

Шпиц ловко сцапал Костю за локоть.

– Привет, Котяра! – ухмыльнулся Шпиц. Хватка у него была железная. – Не напомнишь, какое сегодня число, а?

Поскучневший Костя вдруг сообразил, что не знает, какое сегодня число. День помнил – вторник, а число как-то выпало из восприятия. То ли четырнадцатое, то ли пятнадцатое... А может, уже и шестнадцатое.

– Слышь, Шпиц, давай не сейчас, а? На работу опаздываю, – взмолился Костя.

– А когда, если не сейчас? – Шпиц продолжал ухмыляться. – И как? Мобилу не берешь, дома тебя фиг застанешь. Нехорошо!

– Да понимаю я! Видишь, забегался. Верну я должок, верну, в пятницу зарплата – вот с нее и верну, я уже и хвосты подтянул.

– Я это слышу уже второй месяц, Котяра. И, веришь, начинаю злиться. Я тебя в долг брать не заставлял, ты сам умолял, аж приплясывал. А теперь в кусты, да?

– Да какие кусты, говорю же – в пятницу!

Шпиц внимательно поглядел Косте в глаза и внезапно отпустил его.

– Ну, смотри, ты сказал. В пятницу не расплатишься – включу счетчик.

Тон у Шпица был отстраненно-вежливый, и от этого по спине Кости прогулялся неприятный холодок.

– И на мобилу отвечай, когда я звоню, понял?

– Дома мобила... – обреченно промямлил Костя и зачем-то соврал: – За ней и бегу, забыл...

Впрочем, врал он лишь отчасти: захватить мобилу, пусть и едва-едва подзарядившуюся, было все равно нужно.

Шпиц сплюнул на асфальт, как показалось Косте – презрительно, развернулся и пошел прочь со двора. Костя опустошенно закрыл глаза, потряс головой и кинулся к своему подъезду.

Одалживать деньги у Шпица было изначально плохой идеей, но так хотелось сделать подарок Машке! А потом – бац! Стопроцентная, как казалось, халтура внезапно накрылась медным тазом, и Костя оказался в щекотливом положении. Машке о подарке уже намекнул, а до нужной суммы трехсот баксов не хватало. И друзья-приятели, по их словам, все как один дружно пребывали на мели.

И тут Шпиц внезапно подвернулся – засветил в «Разбойнике» плотненькую стопочку зеленых купюр с президентом Франклином на каждой. В общем, подогретый алкоголем Костя не выдержал и попросил в долг. Шпиц дал. Но так при этом недобро прищурился, что еще тогда Косте стало понятно – увяз коготок, совсем увяз. Однако отступать было уже поздно.

Машку Костя порадовал, зато в смысле доходов один за другим полезли ну просто фантастические косяки. В принципе триста долларов не были для него запредельной суммой: месяц работы да воздержание от совсем уж разнузданных кутежей – и порядок. Но косяки навалились дружной стаей. Ноут вот вдобавок сдох, а без ноута Костя просто не мог работать. Физически.

Он ввалился домой, выудил из дальнего угла около дивана блок питания от ноута и сунулся к столу, где заряжался мобильник.

Три пропущенных звонка за последние двадцать минут. Три! И все от шефа.

Четвертый звонок прервал его чувственную тираду примерно на середине.

– Слушаю, шеф! – нарочито бодро ответил Костя, наклоняясь так, чтобы при подключенном шнуре можно было держать телефон у уха.

– Что за выходки, Степанов? – поинтересовался шеф с плохо скрываемым раздражением. – Ты чего из скайпа выскочил?

– Я не выскочил, – упавшим голосом сообщил Костя. – У меня ноут сдох. Может, просто разрядился, но скорее сдох, в хорошее я как-то уже и не верю...

– А на звонки почему не отвечаешь?

– Я мобильник дома оставил, вот вернулся – и сразу ответил.

– Ты мне надоел, Степанов, – сказал шеф уже почти спокойно, и это было самым плохим. – Можешь на работу не приходить, ты уволен. Выходного пособия и зарплаты не будет, спишутся на штрафы. Будь здоров.

Костя отнял трубку от уха и обессиленно повалился в кресло.

Жизнь никогда не бьет одиночными. Она работает сериями, как опытный боксер.

Посидев пару минут, Костя все-таки нашел силы восстать из кресла. Сунул еле-еле подзаряженный мобильник в карман, взял блок питания от ноута в руки и, стиснув зубы, дошел до «Разбойника».

Пиццу, пиво и ноутбук Люська подала ему одновременно. Костя решил проявить выдержку, тем более что спешить было все равно уже некуда. Шеф, отныне – бывший, решения не изменит, на это можно не надеяться.

Костя меланхолично сжевал подостывшую и оттого ставшую жесткой, как подошва, пиццу, ополовинил бокал с пивом и только после этого потянулся к ноутбуку. Электрическая розетка около стола имелась, примерно в метре, внизу, у самого плинтуса. Костя этот стол потому и облюбовал – и запитаться есть где, и окно рядом, сеть хорошо ловится.

Подсветка гнезда питания не зажглась, и Костя окончательно упал духом. Для формы он откинул крышку и потыкал пальцем в кнопку включения. Ноутбук был мертвее мертвого. И по-прежнему от него разило горелым пластиком.

– Капец, – пробормотал Костя и медленно потянулся к бокалу.

Виорел ввалился в зал, когда Костя приканчивал третий и подумывал, не заказать ли вместо четвертого сто пятьдесят беленькой. Точнее, он уже решил сделать это и сейчас мрачно подсчитывал в уме – хватит ли наличности.

– Здорово, Котяра! – поздоровался Виорел бодро. – Чего смурной? С Машкой посрался?

– Привет, Вира, – уныло отозвался Костя. – Не, с Машкой как раз все тип-топ. С работы меня выгнали.

Виорел уселся рядом и обернулся к стойке:

– Люсенька, солнышко, будь добра, чекуху и пару чебуреков!

Барменша кивнула и полезла в холодильник.

– Я на мели, – уныло сообщил Костя. – Даже остатки зарплаты зажали, суки!

– Не бойсь, я банкую, – небрежно отмахнулся Виорел, вынул пачку сигарет и со вкусом прикурил.

Некоторое время он пускал затейливые дымные колечки и внимательно поглядывал на Костю, но молчал. Не оставалось сомнений: что-то он прикидывает, обдумывает. Напрашивалось предположение, что Виорел пытается половчее встроить Костю в какие-то свои таинственные планы, но Костя уже привык, что сегодняшний день приносит только неприятности.

К столику в очередной раз за сегодня наведалься Люся с подносом. Виорел все еще не спешил: подождал, пока она вернется за стойку, налил, они с Костей чокнулись и выпили, вгрызлись каждый в свой чебурек, и только спустя минуты три, снова закулив, Виорел небрежно осведомился:

– А со Шпицем ты о чем толковал сегодня?

Костя оторвал взгляд от столешницы и невесело поглядел на Виорела.

– Откуда ты знаешь, что толковал?

– Я мимо пробежал, по другой стороне улицы, вот и увидел, – с ленцой пояснил Виорел.

Вновь повесив голову, Костя мрачно поведal:

– Денег я ему должен. В пятницу надо отдать. Думал – с получки как раз... А меня выгнали. Даже если прямо сегодня куда-нибудь устроюсь – фиг чего до пятницы заработаю, факт.

– Много должен-то? – Виорел по-прежнему говорил небрежно, даже как-то нехотя, но Косте показалось, что это напускное и от его ответов что-то начинает зависеть – в ближайшем же будущем.

На такие вещи у него всегда срабатывало чутье. Практически безотказное.

– Да в том-то и дело, что не особенно и много. Триста баксов. Было бы времени побольше – вообще без проблем отдупился бы. А тут пару дней осталось...

– Да уж, – вздохнул Виорел сочувственно. – Если б не у Шпица занимал – можно было бы как-то договориться. Но с ним, боюсь, не получится.

Виорел был совершенно прав, поэтому Костя даже отвечать не стал, ждал продолжения. И дождался. Чутье не подвело.

– Слушай, Котяра, раз уж тебя все равно выгнали и деньги нужны, может, ты мне подобишь? У меня напарник заболел, а товар ждать не любит. Сегодня стартовать нужно.

«Господи, неужели уладится?» – подумал Костя с некоторой опаской: боялся спугнуть удачу. Тот факт, что он понятия не имел о бизнесе Виорела, совершенно не смущал. Ничего криминального в Виореле никогда не проскальзывало, Костя в эту сторону даже и не думал.

– До пятницы мы фиг вернемся, сто процентов, хорошо, если до вторника управимся. Но я тебе четыреста долларов заплачу, и на Шпица хватит, и на колбаску с пивом даже чуток останется. Что скажешь?

– А чего делать-то? – поинтересовался Костя на всякий случай. – Я хоть справлюсь?

– Справишься, – фыркнул Виорел. – Чего там справляться? Рюкзак на спину и ножами топ-топ. Причем в экологически чистой среде, сплошная девственная природа. Воздух без копоти, вода – кристалл и все такое.

– В каком смысле – топ-топ? – Костя слегка растерялся. Ожидал он совсем не этого.

– В прямом. – Виорел сделал паузу, во время которой тщательно погасил в пепельнице окурок. – Считаю, это что-то вроде турпохода. Там снаряжения на двоих, сам не унесу. А напарник... Ну, ты слышал. Ты мне нужен исключительно как тягловая сила, рюкзак волочь. Остальное я сам. Кормежка, естественно, входит. Ежли дичи какой добудем – так и пикник сам собой организуется, пальчики оближешь, обещаю. А нет – на консервах проживем, невелика беда.

– Выучным осликом я еще не работал, – пробормотал Костя со слабым сомнением.

– Ниче, оно не зазорно, – хохотнул Виорел. – Заодно и развеешься, а то закис ты в своем офисе вонючем. Опланктонился.

– А чего нести-то? – продолжал допытываться Костя.

– Не бойсь, ничего незаконного. Просто... дефицитный товар. У нас его навалом, а где-то не хватает. На том и стоит торговля, а то ты не знаешь! Я тебе серьезно говорю: криминала никакого, не наркота, не рыжье или брюлики. Просто товар. Хочешь – я покажу, никаких тайн, все честно.

– Ну, раз никаких тайн... – вздохнул Костя обреченно. – Собственно, мне и деваться-то некуда, сам понимаешь. Участвую.

– Вот и славно. – Виорел протянул руку, и они поручкались, как было принято у Виорела на родине – не пожав друг другу ладони, а просто коротко хлопнув ими одна о другую. – Давай, добиваем – и вперед.

– Что, вот так сразу? – удивился Костя.

– А чего ждать? Время дорого. Будь здоров, брателе!

– Будь здоров, Вира...

* * *

– Переодевайся, – велел Виорел, бросив на койку невзрачную темно-серую робу.

Костя с сомнением подцепил куртку одним пальцем за воротник и недоверчиво осмотрел. Такое одеяние вполне мог носить рабочий «Руссо-Балта» в начале прошлого века или какой-нибудь китаец из бедной провинции в его середине. Оно, собственно, даже не являлось курткой и напоминало скорее гимнастерку, поскольку надевалось через голову и разрез с пуговицами имело только на горловине. Пуговицы, к слову сказать, были деревянными.

Под стать оказались и брюки, совершенно бесформенные и тоже с плоскими деревянными пуговицами на поясе и гульфике.

Поскольку Виорел облачился в точно такую же одежду, вопросов Костя задавать не стал. И принялся натягивать эту робу.

– Стоп-стоп-стоп... – остановил его Виорел. – Сначала белье и носки. Вот, держи. Футболку снимай на фиг, не понадобится.

Виорел вынул из архаичного полотняного мешка семейные трусы в веселенький синий цветочек. Новые, даже этикетка не была снята.

– Белорусские! – со значением произнес Виорел. – Хэбэ, никакой синтетики! И носки, вот, держи.

Носков Виорел выдал аж четыре пары. Одну сейчас надеть, а остальные, надо понимать, сменные.

С трудом сдерживая недоумение, Костя переоделся. Теперь на нем не осталось ни единой своей вещи, если не считать часов. На них Виорел, кстати, тут же обратил внимание.

– Кварц, механика?

– Да какая механика, кварц, конечно...

– Советую: оставь. Все равно от них толку мало будет.

– Есть, сэр... – вздохнул Костя, снял свой якобы «Хельвеко», а на самом деле откровенный китайский нонейм и сунул в карман джинсов, аккуратно сложенных на табурете.

– Сапоги носить умеешь? – продолжал удивлять Виорел, хотя на самом деле Костя уже перестал удивляться. Раз в одежде такие закидоны, то и обувь без внимания не останется.

– Не знаю, не пробовал... – честно сознался Костя. – Я ж не служил.

– Понятно... – кивнул Виорел и полез в очередной мешок, который почему-то очень хотелось назвать торбой. – Во, как раз сорок третий!

– Я ж тебе говорил, ношу сорок второй! – напомнил Костя.

– Послушай бывалого человека, бери на размер больше, – со знанием дела посоветовал Виорел. – На, меряй.

Мерять пришлось ботинки, опять же на редкость допотопного вида. Носить похожие говнодавы во времена Костиного прадедушки – еще туда-сюда, но сегодня такая обувь выглядела по меньшей мере убого. Тем не менее Костя послушно обулся и зашнуровался.

– Не жмет? – допытывался Виорел. – А ну пройдишь!

– Не жмет, даже большеватые малость.

– Это хорошо! Так и должно быть!

Костя вскользя подумал – а каково в таком прикиде выйти на улицу? Что при этом будешь испытывать? Стыд? Неловкость? Скорее всего что-нибудь вроде этого. Проходим в глаза будет боязно заглянуть. Однако настрой Виорела, одновременно жизнерадостный и озабоченно-деловой, чуточку успокаивал. В конце концов, он одет примерно так же и не испытывает по этому поводу ни малейшего смущения. Наверное, так и надо в этом их коммерческом турпоходе.

Сам Виорел обернул ноги желтоватыми портянками и надел короткие, до середины голени, сапоги. Кроме того, голенища были коническими, они немного расширились кверху, так что между икрами Виорела и ними без труда можно было воткнуть палец, а то и два.

– Ну и последний штрих. – Виорел протянул Косте странную шляпу с широкими полубвисшими полями. В отличие от остальной одежды шляпа была хоть и чистая, но явно уже ношенная. Больше всего она напоминала мятую панаму, только почему-то темную.

– Нас с тобой за беглых эков не примут? – проворчал Костя, глядя на себя в зеркало, – зеркал, к слову говоря, в комнате было аж четыре, словно тут каждый день кто-нибудь облачался, придирчиво осматривал себя и отправлялся в какой-нибудь турпоход. Или еще куда. Судя по количеству полотняных торб по углам, так оно, вероятнее всего, и было.

– Ну что, выглядишь нормально, – оценил Виорел, критически оглядев Костю. – Теперь рюкзаки. Вот этот – твой.

Указанный рюкзак был раза в полтора больше второго, без сомнений, предназначавшегося Виорелу. Костя с опаской взял его за лямку и приподнял.

«Килограммов пятнадцать, – прикинул он. – В принципе терпимо...»

Рюкзак, как легко догадаться, тоже выглядел пришельцем из прошлого века. Собственно, это был даже не рюкзак, а обыкновенный вещмешок без единого накладного кармана и со сплошной лямкой-коромыслом, которую захлестывали на горловине простейшей петлей. Изначально он был цвета хаки, но время и солнце сделали материю существенно светлее. Чья-то уверенная длань то ли фиолетовыми чернилами, то ли темно-синей шариковой ручкой нанесла на него лаконичную надпись: «Родик». И нарисовала пятиконечную звездочку.

Вещмешок Виорела был такой же незатейливый и выцветший, но без надписей.

– Давай помогу. – Виорел взялся за ношу Кости; тот послушно продел руки в лямки и пошевелил торсом, пристраивая груз на спине.

– Держи, вот... – Виорел обернулся и выудил из-под груды каких-то тряпок на койке два коротких эластичных жгута с металлическими крючками на концах. – Вот так, гляди...

Он ловко стянул одним жгутом лямки рюкзака на груди Кости, а вторым – на животе, причем перед тем, как сцепить крючки, обернул каждую лямку дополнительной петлей. Видимо, чтобы жгуты не слишком сползали.

– Удобно? Если неудобно, перецепи.

– Да удобно вроде, – нерешительно произнес Костя. – Не давит.

– Ладно, если что, потом перецепим. Теперь погляди в зеркало.

– Да глядел уже!

– Гляди, гляди, – хохотнул Виорел. – Это, считай, традиция, а традиции негоже нарушать. Закрой глаза. Закрой... Зажмурься и считай про себя до двадцати.

– Зачем? – удивился Костя, но глаза все же зажмурил.

Виорел, кроме всего прочего, еще и натянул ему панаму на самые глаза.

– Откроешь, когда я скажу. Считай, не ленись!

Костя зажмурился и тупо твердил про себя: «Три... Четыре... Пять...»

На счет «двенадцать» на него вроде бы дохнуло теплым ветром, на «четырнадцать» Виорел неожиданно взял его за плечи и легонько подтолкнул вперед. Костя волей-неволей сделал шаг, другой и, по идее, уже должен был ткнуться в висящее на голой стене зеркало, и тут Виорел весело сказал: «Все! Можешь смотреть!»

В зеркало Костя так и не ткнулся. Он открыл глаза, одновременно поправляя панаму. И тотчас вновь зажмурился.

По глазам резануло ярким светом. Только сейчас Костя понял, до чего же сумрачно было в комнате Виорела.

«Прожектор врубил, что ли?» – подумал Костя и сам себе не поверил.

Какой там прожектор! Так ярко может светить только солнце в ясный летний полдень. Прожектор – просто сияющая клякса на общем темном фоне, а солнечный день – он везде, и везде одинаково светлый, а там, где солнце, так просто ослепительный.

– Не понял... – пробормотал Костя озадаченно. Глаза еще не вполне адаптировались, но приоткрыть их и оглядеться Костя уже был в состоянии.

Комната Виорела исчезла. Вокруг расстилалась самая настоящая степь, с диким разнотравьем и единственной то ли рощицей, то ли группой кустов в поле зрения. До рощицы было примерно с полкилометра.

У Кости, вероятно, был очень глупый вид. Он топтался на месте, то и дело озираясь, словно турист, заблудившийся в чужом незнакомом городе.

– Это еще что! – рассмеялся Виорел, схватил его за плечо и повлек за собой. – Ты вот сюда посмотри!

Они поднялись на невысокий, примерно в рост человека, взлобок, и Костя вторично остолбенел.

Теперь они с Виорелом стояли на обрыве, тоже не особенно высоком, не выше пятиэтажного дома. А перед ними расстиралось море. Или нет, не море – на самом горизонте смутно угадывался противоположный берег. Значит, река. Но какая огромная и широченная! И прямая, совершенно прямая, без единой извилины.

Костя очумело таращился на все это минуты две, а потом Виорел легонько постучал по его вещмешку. Костя обернулся.

– Разумеется, я должен тебе все объяснить, и я это сделаю прямо сейчас. Только давай я сделаю это на ходу? Время не ждет. Будем топать и разговаривать. Годится?

– Д-да... – сумел выдать Костя.

– Значит, пошли! Да, вот еще что: вон тот столбик с тряпочкой видишь?

Пришлось взглянуть, куда указывает напарник. Примерно в том месте, где Костя недавно открыл глаза, из сухой земли торчал полосатый столбик – ни дать ни взять словно позаимствованный с какой-нибудь автостоянки. К приваренному на его макушке штырьку с кольцом была привязана пестрая красно-синяя тряпица, на которой угадывалась выгоревшая золотистая надпись: «ПФК ЦСКА».

– Вижу, – подтвердил Костя.

– Запомни: это точка входа. Просто запомни, и все, зачем – потом поймешь.

– Хорошо... – пробормотал Костя не очень уверенно.

Все-таки он был здорово сбит с толку.

– Ну и прекрасно! А теперь – двинули!

Первые шаги двадцать Виорел придерживал его за вещмешок, словно опасался, что Костя упрется или, наоборот, припустит прочь со всех ног. Но Костя послушно шагал рядом с Виорелом и тщетно пытался угадать – что же сейчас услышит.

На этот раз чутье предательски молчало.

– Для начала: расслабься, – предложил Виорел. – Ты не сошел с ума. Все путем, все нормально. Мы прямо из моей комнаты в Вологде перенеслись сюда. Чуть позже, если до этого дойдет, я даже объясню тебе, как именно. А сейчас просто уясни: так перемещаться возможно, но доступно это далеко не всем. Мне – доступно, и я взял тебя с собой. Все, что я говорил там, дома, – правда. Нам действительно нужно доставить груз в одно место, и попасть туда можно только таким вот способом. Идти довольно долго, около суток, так что придется ночевать в степи, но ничего страшного в этом нет, переночуем. А завтра, если повезет, нас подбросят до городка.

– А если не повезет? – тупо спросил Костя.

– Тогда топать еще сутки. Но обычно подвозят, не бойсь.

Виорел шагал чуть впереди, поэтому ему то и дело приходилось оглядываться через плечо, и шел он чуть развернув торс влево, полубоком, что ли. Костя старался не отставать, но все равно отставал примерно на шаг.

– Ты фантастику читаешь? – поинтересовался Виорел. – Про всяческих попаданцев?

– Ну... бывает, – признался Костя не очень охотно. – Многие читают.

– Тогда тебе будет проще. Представь, что ты участвуешь в интерактивной постановке... Или в игре.

Именно в этот момент Костя заметил, что к левому боку Виорела приторочено ружье. Вернее, что-то типа обреза с потертым деревянным прикладом и двумя короткими и толстыми стволами. Костя невольно запнулся и встал, не в силах отвести взгляд от оружия.

Виорел обратил на это внимание только шагов через пять.

– Чего замер? – насторожился он.

А потом перехватил Костин взгляд и усмехнулся:

– А, это... Котяра, сам подумай: мы в диких местах. Ближайшее человеческое жильё хрен знает как далеко. Тут, между прочим, волки водятся. И потом, я ж тебе пикник обещал, а как я добуду дичь без оружия? Разумеешь?

– Разумею, – упавшим голосом промямлил Костя, но потом неожиданно разозлился на себя.

«Да что я, в самом деле? – думал он сердито. – Можно подумать, в городах мало уродов стволов по карманам носят! Лучше уж пусть у Виорела тоже ствол будет. На всякий, как говорится, случай».

– Тебе я пока не предлагаю, – тактично сообщил Виорел. – Но если припрет, выдам и тебе пушку. Только ты не пугайся, «припрет» – это я фигурально. До этого иногда доходит, но очень-очень редко. И знаешь почему? Потому что я легальный торговец, плачу всем, кому надо. Зато и хожу без опаски.

Костя кивнул, не сказать, чтобы слишком уверенно, но кивнул, и Виорела это успокоило. Он тоже качнул головой и снова зашагал прочь от обрыва с рекой. Ничего не оставалось, как последовать за ним.

Несколько минут они шли молча, шурша травой и распугивая кузнечиков. Солнце ощутимо припекало, и Костя порадовался тому, что оставил футболку дома у Виорела – под надетую на голое тело робу забирался легкий ветерок, и это удивительным образом спасало от жары.

– Я знаю, о чем ты хочешь спросить, Котяра, – заговорил, не оборачиваясь, Виорел. – Ручаюсь, ты хочешь задать один, но главный вопрос: где мы? Отвечаю как на духу: и знаю, и не знаю. Мир этот называется Центрум, а страна, где мы сейчас находимся, – Джаваль. Но как этот мир соотносится с нашим – понятия не имею. Не знаю, где он расположен – просто на другой планете или в параллельном мире, но второе, на мой взгляд, вероятнее. И знаешь почему? Потому что здесь наши звезды. И, соответственно, созвездия. Ну, с поправкой на широту, разумеется, потому что мы сейчас примерно на широте Крыма. Как стемнеет, покажу тебе. Ты по звездам ориентироваться умеешь?

– Нет, – вздохнул Костя с сожалением. – Как-то не представлялся случай научиться.

– Да там все просто. Большую Медведицу знаешь?

– Ага! Я только два созвездия на небе и различаю – Большую Медведицу и Кассиопею.

– Ну вот, по внешней стороне ковша Медведицы проводишь прямую... я покажу потом. По ней находишь Полярку. И все, север вот он, точно от Полярки к горизонту. Еще можно по летнему треугольнику – Вега, Денебу и Альтаиру. У него длинный угол приблизительно на юг указывает. Но это только летом. Научу, в общем.

– Ну, ты даешь, Виорел! – поразился Костя. – Я тебя считал обычным понаехавшим, а ты вон сколько всего знаешь!

– А ты думал, за пределами России только идиоты живут? – хохотнул Виорел. – К тому же в Россию едут как раз самые умные и разворотливые!

– Умные в Москву едут. А остальные – куда придется, кайлом махать или квартиры ремонтировать... Извини, конечно, но про твоих земляков сколько лет уже анекдоты ходят. Да и не только про них. Этих... Равшана с Джамшутом хотя бы вспомни. Или как их там?

– Наверное, ты прав, – согласился Виорел, поразмыслив. – Но мне совсем неохота кайлом махать, мне торговля как-то больше по душе.

Костя вскользь подумал, что Виорел, невзирая на обещание, товар в рюкзаках ему так и не показал. Но с другой стороны – Костя и не настаивал.

«Разъяснится как-нибудь, – подумал он. – Параллельный мир, мама дорогая...»

– Давай-ка мы время попусту терять не будем, – вдруг оживился Виорел. – Лучше попрактикуемся в местном языке. Я-то его знаю, но все равно лишний раз поговорить полезно. Для начала обеспечим тебе словарный запас. Ты, главное, не возражай, а слушай, запоминай и повторяй. Я хороший учитель, вот увидишь. К завтрашнему дню на уровень «моя твоя понимай» точно выйдешь, обещаю.

– А...

– Не возражай, говорю! Поехали по существительным: человек – аза. Повторяй!

– Человек – аза, – пробормотал Костя и едва не споткнулся – левая нога запуталась в траве.

– Земля – шон.

– Земля – шон.

– Небо – амар. Трава – зо. Степь – хамт. Море – ойдо. Вода – мусе. Еда – кахе.

– Амар... Зо... Хамт... Ойдо... Мусе... Кахе... – как заведенный повторял Костя и вскоре впал в странное состояние, практически медитативное. Он размеренно шагал за Виорелом, ступая шаг в шаг, и это избавляло от необходимости выбирать дорогу. По сторонам глазеть быстро надоело – вокруг расстилалась однообразная степь. Голова словно отключилась от всего на свете, кроме одного: слов незнакомого языка. Костя послушно повторял их, не слишком стараясь запомнить, потому что особых способностей к языкам за собой никогда не замечал, но это было лучше, чем идти молча, а на вопросы Виорел отвечать до вечера наотрез отказался. Через пару часов перешли к глаголам, потом к прилагательным, а под вечер, когда в животе уже ощутимо урчало, даже к построению несложных фраз. К огромному изумлению Кости, он запомнил большую часть слов, которые повторял за Виорелом, и, кажется, даже уловил основные грамматические закономерности склонений, спряжений, а также схему, по которой строились предложения. Язык был странный, ни на что известное Косте не похожий, но какая-то внутренняя логика в нем, безусловно, присутствовала, и, опять же к большому собственному удивлению, Костя ее довольно быстро схватывал. Простенькие фразы типа обещанного «моя твоя понимай» или «пусть твоя идти немножко медленно, пожалуйста» начал строить задолго до вечерней стоянки.

Трижды Виорел устраивал короткие привалы с водопоем, но без малейшего перекусона. А когда солнце склонилось к горизонту и до заката, по ощущениям Кости, осталось часа полтора, Виорел привел его к очередной рожице посреди степи. Костя уже знал: где рожица – там и вода. Правда, обычно к воде приходилось продираться сквозь плотные заросли ежевики, но на этот случай у Виорела имелось замечательное мачете и брезентовые рукавицы.

– Все! – объявил Виорел, ловко сбрасывая рюкзак на ровный пятачок между двумя корявыми деревцами с белесыми узкими листиками. – Тут заночуем.

Костя с облегчением последовал его примеру и, когда выпрямился уже без рюкзака за спиной, внезапно ощутил, до какой степени натрудил плечи.

– Чего? Тяжко с непривычки?

– Ага, – ответил Костя со вздохом. – Ноет все!

– Зато спать будешь крепче! На-ка, натаскай дров. Но только сухих, тут их хватает.

Виорел вручил ему небольшой топорик, ни разу не туристский, а тоже антикварный – обычная железяка и отполированное деревянное топорище, в торец которого со стороны лезвия был вогнан деревянный же клин.

Костя уже более-менее свыкся с мыслью, что его занесло в чужой мир, и даже придумал правдоподобное объяснение общей архаичности их с Виорелом снаряжения и одежды. Скорее всего, решил Костя, этот мир в развитии сильно отстает от Земли. Появись тут в джинсах или кроссовках и с современным рюкзаком за плечами – мягко говоря, не поймут. Но какой простор для торговли! То-то Виорел сюда шастает.

«А может, ну ее на фиг, привычную работу? Офисы, компы? Может, наняться к Виорелу в подручные? Он ведь прав, озвереть можно в четырех стенах. А тут... Параллельный мир, с ума сойти!»

Костя ожесточенно рубил сухую ветку на одном из корявых деревьев и размышлял. Потом отволоч ее к месту стоянки и отправился за новой. И так несколько раз.

Минут через десять, когда Костя притащил очередную ветку, засохшую и корявую, Виорел сказал: шабаш, мол, дров хватит. К этому моменту он уже разжег небольшой костерок, добыл из Костиного рюкзака маленький полусферический котелок, полбуханки хлеба, банку тушенки, пакет крупы и даже две крупные помидорины с навощенными блестящими боками. Как они в рюкзаке не помялись – одному Виорелу известно, рюкзак-то он укладывал. Хотя помидорины вполне могли путешествовать внутри котелка, к примеру, – там раздавить их при всем желании было практически невозможно.

– С пикником, прости, не сложилось, – вздохнул Виорел, изредка поглядывая на повалившегося у костра Костю. – Но кашки сейчас наварим, не бойсь! Кстати, не советую на травке валяться: оно только кажется, что тепло, заболеть – раз плюнуть. Глянь в рюкзак, там дерюжка есть. Подстели.

Костя послушно полез в рюкзак. И действительно, в прилегающей к спине части нашлись легкое байковое одеяло и сложенный в несколько раз продолговатый кусок войлока, который Виорел почему-то назвал дерюжкой. На туристической пенке было бы чуть помягче, но сейчас Костя и войлоку был рад, тем более что лежать на нем действительно было безопасно в смысле здоровья. Костин дядька, двоюродный брат мамы, как-то раз в мае повалился вот так же на травке. В итоге сгорел за несколько дней, скоротечная пневмония. Так что даже начисто лишенный полевого опыта Костя, горожанин в третьем поколении, и не подумал ослушаться Виорела.

А тот колдовал у костра. Котелок с водой давно висел над огнем, и Виорел туда уже что-то деловито сыпал и крошил.

– И еще, – предупредил он Костю, не отрываясь от готовки. – Воду из ручья пить не советую. Микробики, знаешь ли. Или вон из фляжки, или кипяченую. Потом вскипятим, чтоб остыла к утру.

– Понял, – кивнул Костя и покосился на то, что Виорел назвал фляжкой. Скорее это была приплюснутая овальная баклага с широкой горловиной, которая сначала затыкалась корковой пробкой, а дальше поверх навинчивалась широкая, как у термосов, крышка-стакан.

Когда Костя лазил в рюкзак за войлоком, он рассмотрел, что на самом дне ровными рядами уложены одинаковые картонные коробки размером примерно в четверть блока сигарет. Гадая, что же в них кроется, Костя прилег на спину и сам не заметил, как задремал.

Очнулся он от легкого толчка в плечо.

– А? – рывком вскинулся Костя.

Около него на корточках сидел Виорел с миской в руке.

– Ужин! – весело сообщил он. – Давай порубаем – и баиньки, я тоже намаялся, с рассвета на ногах. Причем с нашего, земного, рассвета, а сегодня это часа на четыре раньше, чем местный.

Костя машинально потянулся к миске.

– Осторожно, горячая! – предупредил Виорел и поставил ее прямо на войлок.

Миска была алюминиевая, ложка тоже. А на ужин Виорел приготовил пшеничную кашу, щедро одобренную тушеной говядиной и какими-то мелко нарубленными травками, но не укропом и не петрушкой – совершенно точно. Сам он уселся рядом, на тот же постеленный Костей войлок, только сначала сходил к костру и принес свою порцию в подобной же миске, а еще хлеб, обе помидорины и маленькую металлическую солонку с олимпийскими кольцами и надписью «Москва-80».

Пужинали они в полном молчании, под тихое потрескивание догорающего костра. Костю неудержимо клонило в сон; кое-как справившись со своей порцией, он даже от чая отказался и тут же залег. Виорел не возражал, только предупредил, что ночью может быть холодно, а одеяло в рюкзаке, но это Костя уже и сам знал. Рюкзак он примостил под голову и практически сразу же отключился.

Ночью он проснулся всего один раз, действительно от прохлады. Сходил заодно до ветру, после добыл одеяло, укрылся и уснул вновь.

Когда он вставал, Виорел, не шевельнувшись, открыл глаза, но Костя этого, конечно же, не заметил.

В предрассветных сумерках его вновь толкнул Виорел.

– Поднимайся! Доброе утро!

Костя вздрогнул и приподнял голову.

– Доброе утро, говорю! – повторил Виорел.

– Доброе... – пробормотал Костя и душераздирающе зевнул.

– Как спалось? Не замерз? – поинтересовался Виорел со странной интонацией.

– Нет, я ночью укрылся... – ответил Костя, а затем осекся и в замешательстве поглядел на Виорела.

Тот спрашивал не по-русски, а на языке, которому вчера весь день Костю обучал. И ответил ему Костя на том же языке, но сообразил это не сразу.

– Ой... – растерянно произнес Костя.

– В Джавале не говорят «ой!», – проворчал Виорел. – Тут говорят «вэ!».

Но вид у Виорела, невзирая на ворчание, был очень довольный.

– Давай, давай, подъем! Сейчас наскоро перекусим – и ходу, пока не жарко. На вот, тарелки пойди вымой. И ложки.

Сам Виорел снова занялся костром, однако разогреть только чайник.

Костя сходил к ручью, умылся, старательно вымыл посуду, хотя оттирать подсохшие остатки каши пришлось основательно, с песочком. Но ничего, справился. Тарелки Виорел насухо вытер и сразу же спрятал в вещмешок; ложки оставил.

– Каша чуть теплая, – объяснил он. – Я котелок оставил у костра, а ночью так и вовсе на пепел передвинул. Если по тарелкам раскладывать – остынет враз. Да и мыть второй раз неохота, время потеряем. Давай по-крестьянски, из котелка.

Костя, понятно, не возражал.

Снедь действительно оказалась еле-еле теплой, но пошла за милую душу, очень скоро ложки заскребли о дно котелка. Подобрали все подчистую. Виорел велел Косте уложить в рюкзак войлок и одеяло, а сам метнулся к ручью с котелком и вернулся с чистым, даже копать с внешней стороны оттер, причем времени у него ушло существенно меньше, нежели у Кости на тарелки с ложками.

Потом они допили чай, странно терпкий, но вкусный. Виорел вытряхнул заварку на кострище, а чайник даже ополаскивать не стал, сунул в бумажный пакет из «Ашана» и погрузил в рюкзак Кости, на самый верх.

– Ну, двинули! – бодро произнес он и отработанным движением забросил ношу за спину.

Костя тоже продел руки в лямки – плечи тут же предательски заныли.

«Да уж, – подумал он философски. – Тяжек труд выючного ослика...»

И снова они зашагали по дикой степи, освещаемые рассветным солнцем.

Солнце вставало позади и справа.

* * *

Костину инициативу порасспрашивать о чужом мире Виорел снова зарубил на корню: сегодня он принялся вдалбливать в спутника-неофита расхожие фразы и идиомы местного языка, и Костя был вынужден повторять их снова и снова. Пейзаж по сравнению со вчерашним не изменился ничуть – все та же плоская степь, редкие заросли ежевики да корявые деревца над родничками и бездонное небо над головой. Солнце, едва поднявшись, начало ощутимо припекать, но нельзя сказать, чтобы Костя так уж страдал от жары: то и дело налетал легкий ветерок, причем почему-то с разных сторон, то справа, то слева, то со спины. Возможно, сказывалась близость к большой воде. В общем, особого дискомфорта Костя не испытывал, а Виорел, несомненно, к местным реалиям был давно привычен. Морально Костя быстро впал в уже знакомое заторможенное состояние: по сторонам почти не смотрел, поскольку смотреть было особо не на что, держал в поле зрения ноги Виорела и ступал за ним след в след совершенно автоматически. И так же автоматически повторял за ним слова, как ни странно, сегодня уже не казущиеся незнакомыми.

Так прошло почти полдня; за это время однажды остановились попить теплой водички из баклаги. Костя, впервые утолявший жажду прямо из горлышка, вместе с водой втянул в рот что-то твердое и металлическое и чудом не проглотил. Вынул, поглядел – монета, царский полтинник.

– Э-э-э, полегче! – одернул его Виорел. – Не опрокидывай, там их несколько.

– А... зачем? – удивленно поинтересовался Костя.

Спутник снисходительно усмехнулся:

– Серебро! Вода не портится. Чего палишься, кидай назад.

Костя послушно уронил полтинник в баклагу и теперь пил уже заметно аккуратнее. А когда несколькими часами позднее он уже готов был снова взмолиться о водопое, Виорел вдруг остановился, поднес к глазам ладонь, заслоняясь от солнца, и стал пристально вглядываться в даль.

– Надо же, как точно вышли! – произнес он удовлетворенно. – Радуйся, Котьяра, еще немного – и как минимум привал!

– Радуюсь, – пробормотал Костя по-джавальски, и Виорел, обернувшись, поглядел на него одобрительно. Но комментировать не стал.

Костя тем временем и сам всмотрелся туда же, куда и Виорел. Прогретый воздух дрожал и струился, тем не менее вдалеке можно было разглядеть нечто вроде одинокой вышки посреди степи. Вышка очень походила на сторожевую.

– Значит, так, – принялся наставлять Виорел. На этот раз – по-русски. – Это пограничный пост. Твое дело – молчать и не дергаться, даже если поймешь, о чем мы разговариваем. А ты скорее всего прекрасно поймешь. Если что спросят, гляди сначала на меня; если кивну – отвечай как сумеешь, только правду. Спротивляться не вздумай! Мы – легальные торговцы, нам скрывать нечего, поэтому и бояться в общем-то нечего. Как только меня узнают, считай, порядок. А до того и пальнуть могут, так что без резких движений. Уяснил?

– Уяснил, – кивнул Костя с некоторой растерянностью.

Как оказалось, к тому, что в него могут пальнуть, морально Костя был совершенно не готов. В груди слегка похолодело, невзирая на полуденную жару. Да и походка стала малость деревянной, он даже начал от Виорела отставать, но усилием воли взял себя в руки и быстро догнал.

Виорел тем временем добыл откуда-то, скорее всего из кармана, пеструю тряпку, похожую на цыганский платок, только размерами поменьше. Взял ее за уголок и так и шел – помахивая на уровне головы.

До вышки оставалось примерно с километр, когда оттуда грянул выстрел. У Кости аж колени подогнулись от неожиданности. Да и задрожали, чего уж там...

– Подними руки, – тихо произнес Виорел.

Сам он так и поступил – если правая рука, с вымпелом, уже была поднята, то вторую он поднял именно сейчас. Костя поспешил последовать его примеру: выстрелы как-то мало располагают сугубо гражданских людей к вольностям. А уж Костя-то всю жизнь был ботан ботаном, разве что без очков.

Так они и шагали дальше, с поднятыми руками. Уже метров через триста Косте сделалось тяжело, руки словно свинцом налились, но он терпел изо всех сил, потому что очень не хотел услышать еще один выстрел – а где гарантия, что выстрелят опять в воздух?

Когда до вышки оставалось метров сто и она уже видна была во всех подробностях – от вертикальных узких бойниц в стенах до аккуратной лесенки, начинающейся не у самой земли, а чуть выше, на уровне пояса, – справа и слева от идущих Виорела и Кости поднялись двое вооруженных парней, облаченных в бесформенные желтовато-серые балахоны. Надо сказать, на местности балахоны маскировали идеально: Костя прошел в каких-то десяти метрах от ближнего к себе и заметил его только когда тот оказался на ногах.

– Здорово, Вира! – поздоровался один из поднявшихся, к огромному удивлению Кости – по-русски и без малейшего акцента. Даже окал он привычно, совершенно по-вологодски. – Ты как всегда?

– Привет, Олежка. Да, по старой схеме.

– Ну и славно. Топайте.

– Подождите, – вмешался второй.

Этот почему-то говорил по-джавальски.

– У тебя новый шорфаз?

Он произносил слова немного не так, как Виорел, да и не все из них были известны Косте, но общий смысл разговора, как ни странно, Костя уловил без труда.

– Это он тут новый. А в Маранге вполне себе старый. Илья заболел, вот его пришлось подрядить.

– Ты за него дорджи?

– Как за себя. Отвечаю.

– Хорошо. Идите, зервар на месте. Мы уже дали сигнал на варуше.

– Ага.

И уже Косте:

– Пойдем, Котяра. Руки можешь опустить.

Сделав несколько шагов, Костя не удержался и обернулся – оба пограничника уже сидели на краю неглубокого окопчика; один прикуривал, второй подносил ему огоньку.

– Шорфаз – это приятель? – на всякий случай уточнил Костя.

– Да, приятель, знакомый. Что-то вроде этого. Маранг – наша Земля. Что еще не понял?

– Смысл понял, не понял подробности: кто-то там сидит где-то и нас ждет.

– Точно, варуше – это застава, а зервар, который нас ждет, – ее начальник.

– А Олежка этот – тоже с Земли?

– Ясное дело! – усмехнулся Виорел. – Из Вологды, с Бывальника. Наших тут много, учти.

– А второй почему не по-русски говорил?

– Так он и не русский. Скандинав, то ли швед, то ли норвег, хрен их, дылд белобрысых, разберет, а предметно я не интересовался. Он русского, ясен перец, не знает, я – его языка тоже. Приходится по-джавальски. Начальник их, кстати, тоже скандинав, зовут Улаф. На этой заставе вообще все или русские, или скандинавы. А вот дальше к столице много

кто попадает, даже всякие китайцы и негры... Пардон – афрочеловеки. – Виорел ухмыльнулся. – Хотя мне, наверное, можно их и неграми называть. Зовут же меня все молдаваном! И я не обижаюсь.

– По-моему, ты от русского только именем и отличаешься, – сказал Костя задумчиво. – Ну, выговор у тебя немножко непривычный, подумаешь...

Они как раз проходили мимо вышки. Если там, на верхотуре, кто-то и сидел, Виорелу и Косте он не показался.

Так они протопали километра два, и только после этого Костя заметил заставу – длинное, похожее на барак строение, обнесенное темным забором, кажется, бревенчатым. Над забором виднелась двускатная крыша и верхние половины шести окон. Само здание, по крайней мере та его часть, что просматривалась поверх забора, словно тоже облачилось в камуфляжную форму и на фоне окрестной степи практически не выделялось. А вот забор выделялся, он был намного темнее, чем выгоревшие степные травы и рыжевато-серый суглинок.

А когда подошли совсем близко, Костя с удивлением понял, что забор вокруг заставы сложен вовсе не из бревен, а из грубо отесанных железнодорожных шпал. Темными они были, несомненно, из-за пропитки и скорее всего до сих пор мазались.

У приоткрытой створки весьма солидных на вид ворот поджидал еще один пограничник. Понятное дело, вооруженный.

– Здорово, Вира! – поприветствовал он по-русски. – Чего, новичка завербовал?

– Привет. В процессе, – проворчал Виорел. – Илья в больницу угодил.

– Опа! – Пограничник сделал круглые глаза. – Чего с ним?

– Аппендицит, – вздохнул Виорел. – Позавчера «скорая» забрала. Когда его погрузили, он на меня глянул и тихо сказал: «Хорошо, что здесь!» Ну, в смысле, на Земле. Прихватило бы в Центруме – сам понимаешь... В городах еще туда-сюда. А в степи где-нибудь...

– Да уж... – покачал головой пограничник. – Ну, давай стволы и проходите, зервар жаждался.

Джавальское слово он ввернул в русскую фразу совершенно естественно и не задумываясь, видимо, подобное было в порядке вещей.

Виорел отстегнул и отдал пограничнику свой обрез, потом еще вынутый из-за пазухи сверток.

– Входим, – сказал он Косте.

За воротами открылся достаточно просторный дворик с посыпанными песком дорожками, колодцем и несколькими небольшими сарайчиками. На коньке одного из них, на самом краю, возлежал, жмурясь на солнце, здоровенный рыжий котище. Он и сам казался кусочком солнца, особенно в сравнении с серой кровлей сарайчика, очень уж свет удачно падал.

Первым делом Виорел направился к колодцу, и они долго, с наслаждением пили, зачерпывая воду из ведра смешным деревянным ковшиком, то и дело передавая его друг другу. А когда утолили жажду, Виорел еще наполнил доверху флягу и только после этого протопал по песчаной дорожке ко входу в барак. Костя обратил внимание на наружную дверь – крепкую, обитую листовым железом, хоть тараном в нее колоти. Разобьешь со временем, конечно. Но потрудиться придется изрядно. И ставни на окнах, сейчас раскрытые, немногим от двери отличаются. Застава явно была обустроена с учетом возможной осады.

После тесноватого помещения непосредственно за дверью, которое Костя мысленно назвал предбанником, открылась просторная комната, занимающая центральную часть барака; посреди нее высилась беленая печь. Между печью и окнами на противоположной от входа стороне располагался длинный стол с двумя лавками; за ним без труда уместились бы человек десять, а то и вся дюжина. Торцевые части барака отделялись стенами; в правой имелась одна дверь, в левой – две. Виорел постучался в ближнюю левую дверь.

– Верде! – донеслось из-за двери по-джавальски.

Поскольку слово «верду» на русский переводилось как «идти», ничего, кроме «заходите», это не могло означать.

И они вошли – первым, естественно, Виорел, за ним Костя.

За дверью помещалась довольно большая комната, которую с ходу хотелось назвать даже не кабинетом, а канцелярией. Шкафы почти по всему периметру. Письменный стол у окна. Сейф в углу. Массивная вешалка на треноге у дверей. На стенах – портреты каких-то очень старомодных, но, несомненно, официальных типов при параде и орденах; один из троих даже моноклем щеголял. Люстры не было совсем, зато на столе стояло сразу два здоровенных подсвечника. Хозяин всего этого великолепия просматривался аккуратно между ними – рослый лысоватый тип, до синевы выбритый и одетый во все тот же камуфлированный балахон, каким-то чудом сидящий на хозяине очень строго и по-военному подтянуто. Даже сидя этот вояка был ненамного ниже Кости.

– Здравия желаю, господин зервар! – бодро отрапортовал Виорел. – Иду обычным маршрутом, носильщик новый, первая ходка и пока нет уверенности, что не последняя, так что попросил бы пока без сатио. Товар предъявлять?

– Предъявляй, – буркнул зервар.

Из всей тирады Костя не понял одно-единственное слово, но как раз оно волновало больше всего. Без чего там Виорел просит его оставить?

Тут Костя отвлекся – Виорел пихнул его локтем и шепнул по-русски:

– Снимай рюкзак!

Костя, естественно, повиновался – освободил плечи от лямок и поставил вещмешок перед собой. Виорел немедленно его развязал, вытащил сначала войлок, на котором ночью почивал Костя, выложил на него часть пожитков – одеяло, котелок, миски, консервы, еще какие-то мелочи, а вот картонные коробки, в которые Костя так и не удосужился заглянуть, стал выкладывать на стол перед зерваром. Ровненькими рядочками. Разгрузив Костин вещмешок, он принялся за свой. Походной поклажи у него было совсем мало, такой же кусок войлока, одеяло да небольшая торба, перевязанная пестрой тесьмой. Что там крылось – неизвестно, но ее Виорел на стол выкладывать не стал, оставил на полу. Зато выложил уйму коробочек поменьше.

– Это все, господин зервар, – сообщил Виорел и выразительно потряс пустым рюкзаком.

Хозяин канцелярии поводит носом над коробками, заглянул в некоторые, с сомнением потряс одну, словно рассматривал что-то в нее насыпанное и тряской хотел слегка перемешать содержимое. Что именно там было – Костя от дверей не видел.

– Опять заказы для мастерской Хетауцэ? – с неудовольствием спросил он.

– Как видите, – подтвердил Виорел.

– Что-то ты перестал носить вещи интересные нам, все запчасти да запчасти.

– Хетауцэ хорошо платит, – пожал плечами Виорел. – А спрос рождает предложение. Но вы не беспокойтесь, то, что я понесу назад, вас определенно заинтересует.

– И что же ты понесешь назад? – несколько оживился зервар.

Виорел покосился на Костю, потом обошел стол, склонился к уху зервара и принялся шептать.

Когда он закончил и выпрямился, зервар несколько секунд пребывал в неподвижности, словно переваривал услышанное.

– И сколько? – поинтересовался он наконец.

– Думаю, таодре на сорок – сорок пять. Ваша, как всегда, пятая часть.

– Восемь-девять таодре... Хм... Въ'орэл, – зервар произнес имя Виорела именно так, – ты понимаешь, что возникает огромный соблазн пустить тебе пулю в затылок и прикарманить все, что у тебя найдется?

– Понимаю. Но вы-то в свою очередь не хуже понимаете, что за год на мне заработаете гораздо больше. Причем без малейшего риска. Я доставлю все прямо сюда, к вашему сейфу.

– Я-то понимаю, – проворчал зервар. – А остальные?

– А остальным зачем знать? – пожал плечами Виорел. – Рассчитывайтесь с ними сами и лучше просто монетой.

– Спасибо за совет, – сказал зервар ядовито. – И того... не учи птицу гадить на чужие шляпы. И не вздумай теряться, если нужно – достанем тебя и в твоей Волохте.

– Да бросьте, господин зервар, вы ж меня не первый день знаете. Я не верю в большой куш и предпочитаю клевать по зернышку. Оно как-то для здоровья полезнее.

– Только потому, что я тебя знаю, ты и есть единственный, кто платит нам на обратном проходе, а не на прямом, – сказал зервар жестко. – Но ты все равно не расслабляйся, Въ'орэл. И не застревай в столице слишком уж надолго, мои ребята могут заподозрить худое. Грузись.

– Ага. – Виорел обернулся к Косте и выразительно качнул головой. – Помогай! Держи!

Костя метнулся к столу и взял вещмешок за горловину. Виорел принялся складывать туда коробочки со стола – так же аккуратно и плотно, рядами и слоями.

Уложились, навьючились. Костя ожидал, что они с Виорелом сразу покинут канцелярию, но не тут-то было: Виорел остался стоять перед столом зервара. Тот угрюмо перелистывал какую-то не то книгу, не то толстую тетрадь для записей.

Виорел ждал довольно долго, потом кашлянул в кулак и несмело (Косте показалось, что именно несмело) поинтересовался:

– Так что с сатио, господин зервар? Разрешите первую ходку без него? Парень не знал, куда идет. Он и сейчас плохо представляет, куда попал. Я его от безысходности взял, напарник угодил в больницу, а у меня сделка горит, все договорено...

– Двадцать пять процентов, – глухо произнес начальник заставы. – На обратном проходе мы снимем двадцать пять процентов твоей выручки.

Виорел несколько секунд оставался неподвижен; потом шевельнулся, посмотрел, повернув только голову, на Костю и тяжело вздохнул:

– Чего не сделаешь ради товарища...

Взгляд у него был недовольно-печальный.

Зервар выудил из ящика стола бумагу размером в половину листа А4, что-то вписал в нее, шлепнул прямоугольный штамп и уронил на стол, но не перед собой, а в направлении Виорела. Виорел эту бумагу тотчас сцапал, сложил и упрятал в нагрудный карман гимнастерки.

– Так мы пошли? – снова обратился он к зервару.

– Да, ступайте. Носильщика твоего я запомнил, и ребята мои запомнят. Так что во второй раз обойтись без сатио не надейся.

– Я и не надеюсь, – пожал плечами Виорел. – Только идиот после визита в Центрум пойдет туда вторично без шайдалле вопросов и двух шайдалле ответов. А он парень неглупый и любопытный.

– Рад, что ты все понимаешь.

И громче:

– Йо-он!

Секунды через три дверь в канцелярию отворилась. Заглянул крепкий белобрысый парень – викинг викингом, даром что в камуфле. Зервар изобразил правой ладонью жест, которым обыкновенно начальство отсылает подчиненных: свободны, мол.

– Пшли, – шепнул Виорел Косте и напоследок повернулся к зервару: – Всего доброго, господин зервар!

Вообще-то если дословно, то Виорел произнес не «доброго», а скорее «приемлемого», «достойного», но Костя уже с ходу транслировал местные обороты в соответствующие понятия. Сам он хозяину канцелярии коротко и уважительно кивнул, даже с неким намеком на поклон.

Они вышли, сначала в комнату с печью и столом, потом в предбанничек, а затем и на улицу. Викинг Йон молча сопровождал их, остановившись только у ворот. Виорел выскользнул наружу в приоткрытую щель, Костя последовал за ним. Уже знакомый пограничник вопросительно поглядел на них, но тут высунулся Йон, что-то коротко и неразборчиво пробормотал (во всяком случае, на этот раз Костя не понял), после чего к Виорелу вернулись его сверток и обрез.

– Удачи, Вира! – улыбнулся пограничник. – Успешно поторговать!

Виорел кивнул. Вид у него был чуточку кислый, видимо, из-за грядущих незапланированных расходов.

Когда они отошли от заставы шагов на сто, Виорел встрепенулся и неожиданно похвалил Костю:

– Молодец, отлично себя вел!

Костя не нашелся что ответить. Зато рискнул уточнить:

– Из-за меня тебе повысили дань?

– Ну, в общем, да, – подтвердил Виорел. – Вместо двадцати процентов придется отдать двадцать пять. Видишь ли, всем торговцам с Земли в Центруме делают татуировку. Вот такую.

Виорел продемонстрировал Косте запястье. Примерно на стыке большого и указательного пальцев виднелась небольшая, с пятирублевую монету, синеватая наколка: тонкая линия, образующая замкнутую окружность.

– Кто делает? – тупо спросил Костя.

– Пограничники. Когда тебя ловят с товаром – а ловят практически всегда, – для начала делают колечко и объясняют: либо плати процентик, либо по второму отлову будет плохо, и тебя с этого момента станут считать контрабандистом. Для начала колечко это заштрихуют. Потом... – Виорел выразительно помолчал. – В общем, плохо будет. А уж если поймают в третий раз, да с уже заштрихованной татуировочкой, точно шлепнут на месте, и дело с концом. По правилам, раз ты тут появился, пустое колечко должны были наколоть и тебе, прямо сейчас. Но я тебе не успел всего рассказать. Времени совсем не было, поверь. А раз я тебя не предупредил, что придется делать татуировку, то попробовал договориться на один раз, чтоб не делали... иногда это срабатывает. Как вот сейчас.

– А если бы на этот раз не сработало? – спросил Костя, чувствуя в груди неловкую пустоту.

– Накололи бы, – признался Виорел, глядя в сторону. – Даже если бы ты вздумал препыхаться.

– Знал бы наперед – точно не пошел бы с тобой, – сердито заявил Костя.

– Я догадываюсь. – Виорел продолжал глядеть в сторону. – Извини. Но я был практически уверен, что уболтаю зервара. И уболтал ведь, а?

– Уболтал, – согласился Костя с некоторым сомнением и после короткой паузы развил мысль: – Я вот о чем думаю, Вира: ты меня пригласил вроде как в турпоход, а тут, оказывается, то яйца могут отстрелить, то татуировку нашпандолить... Сутки всего прошли. Что ж дальше-то будет?

– Самое сложное уже позади. – Виорел наконец повернул голову к Косте. Вид у него был виноватый, но не сказать, чтобы очень. Так, самую малость. – Остались пустяки. Ну,

извини, ну пришлось мне, пришлось! Зато скоро будем в шоколаде: погранцов прошли, от татуировки отмазались... Она, кстати, по-джавальски называется «сатио».

– Я запомнил, – проворчал Костя уже в общем-то спокойно. – Долго еще топать-то? У меня ноги, блин, гудят!

– Да вон уже станцию видно! – усмехнулся Виорел, указывая куда-то вперед, в степь.

Костя поглядел – в указанном направлении просматривался некий невзрачный сарайчик, к которому справа от самого горизонта тянулась темная, темнее желтовато-рыжей степи, ниточка. У сарайчика она заметно изгибалась и дальше уходила к горизонту не налево, а скорее прямо, лишь чуть-чуть левее и наискось. Тропа, по которой они с Виорелом топали от заставы, вела как раз к этому сарайчику.

– Станция? – переспросил Костя.

– Ага. Железнодорожная. До темноты хоть один поезд, но пройдет. Идут они все в столицу, а нам туда и нужно.

* * *

Станция и при ближайшем рассмотрении оказалась небольшим запертым на всякий замок сарайчиком, плюс к сарайчику примыкал навес три на пять метров, видимо, защита от дождя для случайных пассажиров. Перрона, разумеется, никакого не было, просто слегка утоптанная земля вдоль поросших травой рельсов и шпал. Шпалы лежали прямо на земле, даже на сантиметр не были вкопаны, что Костю очень удивило. В двух шагах от навеса, со стороны, противоположной рельсам, росло несколько корявеньких деревьев, практически не дающих тени. На стене сарайчика, как раз там, где примыкал навес, виднелось нечто вроде расписания – клочок грубой бумаги с типографски нанесенным текстом, который потом правили от руки. Начертание букв показалось Косте чем-то средним между знаками иврита и грузинским мхедрули.

Увидев расписание, Виорел оживился:

– Вот чем сейчас займемся! Поучимся читать!

– Да сколько ж можно? – попробовал возмутиться Костя, но Виорел был непреклонен. Впрочем, он наконец-то соизволил объяснить свою настойчивость:

– Да пойми ты, дурья башка, первые несколько суток после перехода из мира в мир у тебя обостряется обучаемость. До феноменального предела, новый язык без труда вдалбливается за эти несколько дней! А потом придется корпеть годами. Учись, пока само учится! И как домой вернемся – попытайся ближайшие дни использовать по полной.

– А потом что, пропадает обучаемость? – поразился Костя.

– Да, сходит на нет, причем быстро.

– А если опять из мира в мир?

– В том-то и дело: второй переход действует слабее, третий – еще слабее, и так далее. И проходит обучаемость с каждым разом все быстрее. Так что давай, не дури, мозги на изготовку, и поехали. В алфавите джавальского тридцать семь букв и два вспомогательных знака, вроде нашего апострофа.

Виорел отхватил от ближайшего дерева веточку и принялся чертить прямо в пыли на земле.

– Запоминай. Гласные обязательно содержат в себе замкнутый круг или овал, согласные – только прямые линии или дуги. Основные гласные...

Костя внимал и постепенно даже увлекся. Похоже, что переход между мирами обострял не только принципиальную возможность, но и внутреннее желание учиться. Вроде несколько минут назад наорать был готов на Виорела за настырность, а прошли эти минуты,

и стало настолько интересно, что Костя потерял чувство времени и совершенно не глядел по сторонам.

В джавальском алфавите хватало всего – и логики, и нелепостей. К примеру, пары сходных глухих и звонких звуков вроде П и Б, Ф и В были сходны и по написанию, причем разные звонкие от разных глухих отличались одинаковым, хорошо узнаваемым элементом в виде половинной дуги. Но при этом две самостоятельные буквы – условно говоря С и О – если встречались вместе, то очень часто читались как мягкое В, типа как в слове «явь». И почему в одном слове надо читать как «со», а в другом как «вь» – Виорел объяснить не смог, сказал, что сам этого не понимает, просто запомнил, как правильно, и так же поступить рекомендует Косте.

В общем, часа три промелькнуло и исчезло, Костя и не заметил как. Он почти не отрывал взгляда от пыльного пяточка у них с Виорелом под ногами, срубленный Виорелом прутик то и дело переходил из рук в руки, и когда Виорел наконец расщедрился на перерыв, Костя вторично после прихода на станцию бросил взгляд на расписание.

И оторопел.

Он мог читать на джавальском. Не по складам, мучительно выискивая знакомые буквы среди частокола незнакомых, а сразу слова целиком, одно за другим, хотя и с некоторым пока напряжением.

«Порядок движения», – написано было вверху.

Поездов в расписании было всего два в одном направлении и два во встречном. Тангол – Харитма и Ахтыбах – Харитма. И, соответственно, Харитма – Тангол и Харитма – Ахтыбах.

А напротив, несомненно, значилось время прибытия и отправления, но с цифрами за эти три часа Виорел Костю, к сожалению, не познакомил. Кроме того, рядом с цифрами каждого рейса было указано слово, означающее один из дней местной недели.

Зато исправление, внесенное вручную, Костя разобрал почти без труда: «Сообщение с Ахтыбахом временно прекращено».

Ниже было приписано не вполне понятное слово, которое восходило к глаголу «управлять», а означало, несомненно, то же, что красуется вместо подписи во многих объявлениях родного мира, – «Администрация».

Интересовать их с Виорелом мог поезд, идущий в столицу Джаваля, Харитму, но никак не встречный. Напротив рейса Тангол – Харитма было напечатано «среда». Напротив встречного – «четверг».

– Сегодня в Джавале, надеюсь, среда? – обратился Костя к спутнику.

Тот утвердительно промычал – как раз пил из своей чудной баклаги с утопленными монетами. Через несколько секунд оторвался, крикнул, утерся рукавом и протянул баклагу Косте.

– Среда, среда, – произнес Виорел. – И не только в Джавале, во всем Центруме. На, попей.

Костя напился, а когда вернул баклагу Виорелу, обратил внимание, что тот пристально глядит куда-то вдаль, в ту сторону, откуда должен был прибыть их поезд. Но поезда видно не было, зато Костя ясно разглядел двух человек, шагающих вдоль железнодорожных путей к станции.

– Это кто? – тихо поинтересовался Костя.

– Откуда ж мне знать? – пробурчал Виорел недовольно. Похоже, приходу потенциальных попутчиков он был совершенно не рад. – Может, пограницы, может, еще кто, мало ли? По степи всякий люд шатается.

Довольно долго они молча наблюдали, как незнакомцы приближаются. А потом далеко-далеко, у самого горизонта, в месте, куда убегали рельсы, заструился легкий дымок. Спешащие к станции гости тоже его заметили, поозирались и ощутимо прибавили шаг.

Минут через пять поезд уже отчетливо просматривался на рельсах, а поднимающаяся из трубы лохматая струя темного, почти черного дыма, практически не рассеиваясь, поднялась высоко в небо.

И поезд, и двое незнакомцев быстро приближались. Поезд быстрее.

Когда он подошел вплотную, Костя с удивлением отметил, что ничего общего с обычным пассажирским составом нет и в помине – он напоминал скорее бронепоезд из старых советских фильмов: впереди низкая платформа с горой песка, за песком высилось что-то вроде бронешита, из которого косо торчал короткий орудийный ствол. За платформой высился циклопический паровоз – реально паровоз, с трубой, большими, соединенными металлической тягой колесами, угловатой будкой с крошечными оконцами-бойницами. И вагоны выглядели соответственно – вместо окон те же бойницы, везде заклепки и броня, броня и заклепки, а кое-где еще и разнокалиберные стволы, потолок – орудийные, потоньше – пулеметные. В целом центрумский поезд совершенно не испортил бы кадра в каком-нибудь постапокалиптическом боевике типа незабвенного «Безумного Макса».

– Ну ни хрена себе! – пробормотал Костя, не скрывая изумления.

Виорел искоса глянул на него, но от комментариев воздержался.

Бронепоезд уже сбрасывал ход, отчетливо свистели его допотопные тормоза, и от колес в стороны разлетались клубы пара, в отличие от дыма, валившего вверх из трубы, – светлого, почти белого. Мимо навесика, под которым дожидались Виорел с Костиком, величаво прокатила платформа с песком и огневая точка в ее корме. Из-за подернутых ржавчиной толстенных стальных щитов выглянуло чье-то молодое безусое лицо. Но канониров на головной платформе Костя рассматривать не стал – за платформой следовал паровоз, и это было куда интереснее. В Косте моментально проснулся любознательный мальчишка – собственно, мальчишка этот очень долго живет в каждом мужчине, пока возраст, болезни и цинизм не растворяют его без остатка.

Из паровозной будки не выглянул никто, хотя момент прямо-таки обязывал, чтобы из окна снисходительно зыркнул машинист – обязательно пожилой, уса́тый и в замасленной кепке. Однако бойницы, заменявшие окна во всем бронепоезде, были для этого слишком узкими – человеческая голова не пролезет точно, а расположены они везде таким образом, что снаружи через них не больно-то и заглянешь.

Паровоз тянул всего-навсего три вагона, в свою очередь забранные бронешитами, а в хвосте был прицеплен короткий вагончик, представляющий собой цельную орудийную башню. Как ни странно, у него тоже имелась коротенькая труба, и оттуда тоже шуровала дымная струя, но не такая внушительная, как из паровоза, скромнее.

Дыша паром, лязгая и громко поскрипывая, состав окончательно замедлился, выдохнул, словно усталый путник, и остановился.

Двое незнакомцев, которых бронепоезд обогнал, припустили бегом; до кормовой башни им предстояло пробежать метров сто.

Тем временем в среднем вагоне, в очередной раз лязгнув, открылась узкая дверца, и наружу выглянул человек в темно-синей униформе и фуражке с таким же темно-синим околышем. В руках человек держал помповое ружье, развернутое стволом к Виорелу с Костей.

– Кто такие, куда? – без особой заинтересованности спросил он. Громко, чтобы голос пробился сквозь шипение и погромыхивание.

– Торговцы, в Харитму! – немедленно отозвался Виорел. В руке он держал развернутую бумагу – ту самую, полученную от зервара на заставе, держал на уровне лица, словно пропуск предъявлял.

– У тебя сурганские?

– Нет, фору.

– По двадцатнику с рыла, – предупредил железнодорожник и зачем-то добавил: – Монетами!

– Годится, – кивнул Виорел. Бумагу он не прятал, держал в руке, только опустил вниз.

– А там кто ковыляет? – Железнодорожник качнул головой в направлении хвоста состава, имея в виду, несомненно, двоих припоздавших незнакомцев.

– Понятия не имею, – спокойно ответил Виорел.

Железнодорожник на секунду отступил в глубь тамбура, а потом выбросил коротенькую веревочную лесенку с деревянными поперечинами-ступенями. Лесенка, пару раз качнувшись и стукнувшись о приваренный к раме лист железа, повисла. Нижняя ее ступенька болталась чуть выше уровня колена.

– Залезай, – велел Виорел.

Костя принялся неумело карабкаться – ни поручней, ничего такого, за что можно было бы уцепиться, около щели в тамбур не имелось, а за край дверного проема схватиться тоже не получилось – там был просто прямой угол без единого выступа или впадины, не уцепишься. Костя замешкался, но тут железнодорожник, сквозь зубы ругнувшись, сцапал его за шиворот и рывком втащил в темный тамбур.

В грудь Косте моментально что-то уперлось; при ближайшем рассмотрении это оказался ружейный ствол, но держал его кто-то другой, не тот, кто перед этим разговаривал, – тот железнодорожник встречал Виорела.

– Пушку давай, – прохрипел хозяин ружья, плохо различимый в полутьме.

– У меня нету, – ответил Костя по-джавальски, и это в общем-то не составило никакого труда. – Все у него, – указал Костя на Виорела.

– Руки! – велел собеседник и, когда Костя сообразил, что нужно поднять руки, сноровисто его обхлопал. Оружия он, разумеется, не нашел и, похоже, удивился.

– Хатэ масто-но, аби ва! – сказал он чуть громче и обращаясь явно не к Косте.

– Уручи и-сун, – ответил ему Виорел, как раз передавший свой обрез и нечто в тряпице из-за пазухи первому железнодорожнику. – Кана аби ракшас ва.

Костя не понял ни слова, хотя перед этим никаких затруднений с переговорами у него не возникло. По-видимому, последние фразы были произнесены вообще не по-джавальски, а на каком-то другом языке, возможно, родном для железнодорожников.

– Деньги, – вернулся к джавальскому первый.

Виорел сунул руку в карман, позвякал монетками и отсчитал несколько. Железнодорожник принял их и буркнул:

– Одиннадцать и двенадцать. Вещи – в камеру, Йоша примет. Давайте, живо!

Второй железнодорожник открыл еще одну дверь, ведущую из тамбура в вагон, – такую же узкую и тяжелую. За ней он громыхнул ключами и отомкнул третью, боковую.

– Рюкзак! – шепнул Виорел, подпирающий сзади, и сдернул вещмешок с плеч Кости. Костя, к счастью, сообразил вытянуть руки назад и повести плечами, чтобы легче было освободиться от ноши.

Рюкзаки перекочевали в тесную нишу слева от прохода, упомянутый Йоша запер ее, вручил Виорелу какие-то жетончики и выразительно махнул рукой, вынуждая пройти в вагон. Сам он поспешно вернулся в тамбур.

Изнутри вагон был одновременно и похож на привычные электрички, и не похож. Проход располагался по центру; однако он был совсем узкий, идти приходилось чуть ли не боком. Сиденья по обе стороны от прохода были всего лишь одинарные, а пространство у внешних стен вагона было оборудовано не для пассажиров, а для стрелков – даже не нюхавший пороха Костя это сразу же сообразил. Над пассажирскими местами нависали широ-

кие полки, забитые поклажей так, что дамскую сумочку уже не втиснешь, – темно-зеленые ящики рядами, джутовые мешки, коробки из грубого картона, какие-то рулоны, похожие на свернутый рубероид... Часть пассажирских мест была занята: в первых двух нишах обосновалось целое семейство – краснолицый господин в старомодном сюртуке и котелке, его супруга в длинном закрытом платье серо-стального цвета, пацан лет десяти в костюмчике, похожем на матросский, и девочка-подросток опять же в платье, какие увидишь разве что в фильмах о викторианской эпохе. В следующей нише расположились жилистый старик, тоже в сюртуке, к которому краснолицый джентльмен обращался «папа», молодой парень лет, наверное, двадцати – этот был в штанах и рубаше с распахнутым воротом, без пиджака или куртки, благообразная бабуля с корзинкой на коленях и человек, в это семейство явно не вписывающийся, – скорее всего просто попутчик. Выглядел он как работяга – костюм потертый, во всяком случае, хуже и заношеннее, чем у остальных мужчин, засаленная кепка, трехдневная, не меньше, небритость. Да и держался он как-то отчужденно, в то время как все остальные, несомненно, были давно и хорошо знакомы друг с другом.

В третьей нише было занято только одно место, слева, – там сидя кемарил кто-то служивый в форме – то ли военной, то ли еще какой. Темно-коричневую кепи с затейливой кокардой этот человек надвинул на глаза так сильно, что из-под козырька виднелся только подбородок с ямочкой.

Костя чуть не пошел дальше – хорошо, Виорел поймал его за рукав.

– Мы здесь, – тихо сказал он по-русски и указал вправо.

Там действительно было свободно; ниша напоминала боковые места в плацкарте, только столик был чуть-чуть меньше, и напрочь отсутствовало окно. Свет поступал в узкую и длинную горизонтальную щель на уровне глаз стоящего человека. За переборкой, похоже – металлической, кто-то слегка похрапывал. Прежде чем сесть, Костя из любопытства глянул в осветительную щель – напротив нее во внешней стенке как раз располагалась вертикальная бойница, в которую был вставлен недетских размеров пулемет: Костя разглядел две характерные рукоятки и заправленную ленту.

– Садись, – прошипел Виорел.

И действительно – следом по вагону пробирались двое в камуфляже. Догнали, значит. Они, ни на кого не глядя, прошли в следующий отсек и заняли левую часть.

Едва Костя уселся, прозвучали два коротких локомотивных гудка. Состав дернулся, почему-то назад, но затем остановился и тронулся уже в нужную сторону, постепенно набирая ход. Басовитое «чух-чух-чух» слышалось очень отчетливо.

Виорел, сидящий через стол, вздохнул с облегчением.

– Ну, – сказал он, – вроде как все. Часа через три-четыре, если ничего не стрясется, будем в Харитме.

– А что может стрястись? – поинтересовался наивный Костя.

Виорел со значением поглядел на него и тихо произнес:

– Там, где полно брони и стволов, всегда может что-нибудь стрястись. Не напрасно же поезд так защищен, как считаешь?

– Да уж не напрасно, к бабке не ходи. – Костя невольно поежился. – Веселенькие у тебя турпоходики, Вира! Аж поджилки периодически трясутся.

– Ладно, ладно, не бойсь. Это ж не просто поезд, это ж самоходная крепость!

Костя вздохнул и почему-то вспомнил любимое:

– Угу... Знаю-знаю, чисто тебе имперский бронеход, огонь на колесах...

– Зря иронизируешь, – хмыкнул Виорел. – Бронепоезд захватить практически нереально. Самое плохое, что может случиться, – на какое-то время застрянем. Но расковырять такой состав – это, братец, фантастика. Проверено временем. Да и если что и случается на маршруте – это все дальше в степи, посреди пустошей, а на побережье, считай, уже цивили-

лизованные места начинаются. Перед Харитмой даже остановки для пассажиров будут, две или три. А до той, где мы сели, поезд только воды набрать притормаживал, а так чесал без задержек.

Костя качнул головой и протяжно вздохнул.

Тем временем состав набрал ход и с характерным «ты-дым, ты-дым» несся, слегка раскачиваясь, по рельсам. Стрелок за переборкой всхрапнул и умолк, но через некоторое время принялся выводить рулады по новой. Костя помассировал натруженные плечи и поймал себя на том, что и сам сейчас начнет задремывать – встали-то ранехонько. Если б можно было в окно глядеть – другое дело, а тут, взаперти, убаюкивало и укачивало. Виорел и сам явно был не прочь вздремнуть – он откинулся к стене, в самый угол, сунул под голову скомканную панаму и подмигнул Косте: мол, делай как я!

Костя стянул с головы свою, сложил вчетверо и попробовал примоститься по примеру Виорела. Нельзя сказать, что было страсть как удобно, но в целом оказалось терпимо. Костя зевнул и в несколько минут отключился.

* * *

Он смутно запомнил толчки во время коротких остановок. Кроме того, он ненадолго выныривал из полудремы, когда по проходу кто-нибудь протискивался – однажды Косте оттоптали ногу, но просыпаться и злиться было лень, он просто ногу подобрал.

Проснулся Костя от того, что поезд в очередной раз сбавил ход, замедлив уже привычное «ты-дым, ты-дым». Виорел дремал напротив, навалившись локтями и грудью на столик. Семейство в первых нишах вело себя весьма деятельно: папаша, сняв сюртук, повязывал галстук, мамаша возилась с пацаном-матросиком, бабуля копалась в своей корзинке, девица стояла рядом и ждала, чего она там накопает. Служивый из ниши напротив тоже уже проснулся и сидел, нетерпеливо барабанил пальцами по столешнице.

Костя потянулся и сел по-человечески. О подложенной под голову панаме он, конечно же, забыл, и панамы, тихо шорхнув по переборке, сползла за спину. Костя лениво пошарил позади себя на сиденье, нащупал ее, выудил, расправил и нахлобучил на голову.

Странно, но к невзрачному своему одеянию он привык и теперь не испытывал стеснения даже рядом с прилично одетыми людьми. Наверное, так тут принято: что есть, в том и ходят, иначе Виорел непременно этот вопрос как-нибудь уладил бы. Он ведет в Центруме дела, причем достаточно денежные, это уже понятно. А с бродягами те же начальники застав, местное начальство, вряд ли стали бы якшаться. Виорелу даже поблажки кое-какие позволены, значит, начальству все равно, как он одет. Человек – существо стадное, Костя и сам не заметил, как принял линию поведения жоака, в данном случае – Виорела.

А тот все еще спал – в достаточно неудобной позе, под тряску, стук колес на стыках и резкие свистки локомотива. Умаялся. Да и привычен он, наверное, к поездкам на этом бронепоезде. Вообще у Виорела маршрут отработан, не надо быть семи пядей во лбу, дабы это осознать.

«Какая у него ходка в этот мир, интересно, – думал Костя. – Десятая? Двадцатая? Сотая? Нет, сотая – это, наверное, чересчур, мы второй день в пути и все еще до цели не добрались. Дома Виорел говорил – обратно вернемся не раньше вторника. Значит, если грубо, каждая ходка занимает до недели. Стало быть, в месяц ходок может сделать максимум две, потому что еще ж готовиться надо, товар закупать и все такое. Две ходки в месяц – это двадцать четыре в год. В реальности, конечно, меньше – наверное, даже двадцати не набирается, а то и пятнадцати. И потом, вдруг Виорел сюда и на более долгий срок наведывается? Вон как языки изучил!»

По проходу в направлении тамбура, через который заходили в вагон Виорел с Костей, прошли трое, скорее всего – стрелки, потому что все были с кобурами и с патронташами крест-накрест. На пассажиров они поглядывали снисходительно. Они Виорела и разбудили – первый мимо него протиснулся удачно, а когда протискивался второй, вагон качнуло. Стрелок на Виорела и прилег.

Виорел вскинулся. Стрелок уперся руками в переборку и оттолкнулся от нее, восстанавливая вертикаль.

– Тихо, тихо! Я случайно, извини!

Мутными со сна глазами Виорел взглянул на ближнего стрелка, на двух остальных, потом тряхнул головой, поднял руки, словно сдавался в плен, и с хрипотцой произнес:

– Нормально! Все нормально!

Стрелки постояли еще несколько секунд, потом переглянулись; тот, что разбудил Виорела, тоже приподнял руку, как будто салютовал, и они двинулись дальше. Шебутное семейство предупредительно освободило проход.

– Доброе утро, страна, – проворчал Костик.

– Сам такой, – огрызнулся Виорел беззлобно. Потом к чему-то прислушался.

– Слушай, а мы подъезжаем! – сказал он чуть погодя. – Да, в общем, и пора уже.

– Пора, пора, – поддакнул служивый из ниши напротив. – Шайдах уже проехали, сейчас Пырцу проезжать будем.

– Ага, – кивнул ему Виорел и поглядел на Костю. – В сортир хочешь?

Честно говоря, этот вопрос Костю и самого уже некоторое время занимал, но искать нужное место самостоятельно он не решился, боялся надеть глупостей в незнакомой обстановке. Так что инициативе напарника Костя очень обрадовался.

– Не мешало бы, – сказал он негромко.

– Пойдем. – Виорел встал.

Зря Костя робел: туалет был расположен в точности там, где и в земных плацкартных или купейных вагонах, – перед глухим тамбуром, сразу за крайней дальней пассажирской нишей. Виорел великодушно пропустил напарника вперед.

Сортир был довольно тесный. Унитаз и рукомойника внутри не оказалось, только овальная дыра в полу, а над ней на стене бак с краником. Дыра, похоже, закрывалась изнутри сдвижной крышкой, но сейчас крышка была отодвинута в сторону. На стенах имелись привинченные ручки, все на разной высоте, так что человек любой комплекции и в любой позе мог надежно зафиксироваться и не летать по тесному помещению во время неожиданных эволюций вагона.

В баке и правда была вода, а при ближайшем рассмотрении в нише рядом и кусок мыла нашелся. Мыло было серое и пахло в точности как хозяйственное, но все ж лучше такое, чем никакого. От качки часть воды пролилась и оросила металл вокруг дыры, но небольшой наклон к ее центру вынуждал любую влагу вытекать наружу.

Полотенце тут, видимо, считалось роскошью, поэтому Костя поступил немудряще: вытер руки о штаны и уступил место Виорелу. Дождаться его не стал, вернулся в свою нишу.

Семейство продолжало броуновские сборы; сосед-служивый меланхолично барабанил пальцами по столешнице.

«Нервное у него, что ли?» – подумал Костя неприязненно, хотя стук колес все равно все звуки заглушал.

Все-таки в вагоне очень доставало окон, без этого поездка казалась какой-то ущербной и ненастоящей. А вдобавок, когда состав начал притормаживать, а потом и вовсе остановился, Костя даже не сразу понял, что они приехали.

– Финита, – сообщил Виорел и встал. Сосед из ниши напротив поднялся еще раньше и теперь пытался просочиться к выходу, но тщетно: миновать деятельное семейство не было никакой возможности, а невольно соседствующий с ними работяга так даже и встать не мог – сидел, забившись в самый угол. В коридорчике, где были заперты вещи, галдели; Костя услышал и узнал голос самого первого железнодорожника:

– Тихо, тихо, сейчас все выдам! Йоша, шевелись, ядрена вошь!

Железнодорожник, по правде говоря, никаких зловредных насекомых не поминал, но эмоционально его слова вполне соответствовали моменту.

Поскольку все равно приходилось пассивно ждать, Костя решил поспрашивать – вдруг напарник соизволит что-нибудь рассказать вместо осточертевших языковых уроков каждую свободную минуту?

– Слушай, Вира, а зачем вещи оставлять на входе в вагон, да еще и под замком?

Виорел покосился на него, потом на служивого, терпеливо ожидающего возможности выйти, и не очень охотно ответил:

– Давай потом, а? Сегодня вечер по-любому свободный, хоть обспрашивайся. Обещаю! Надоело мне тебя джавальскому учить, если честно, хотя понимаю, что надо. Да и худо-бедно объясняться ты уже насобачился, я заметил.

– Ладно, – терпеливо вздохнул Костя. – Потом так потом. Но хоть чего сейчас делать будем – мне позволено знать?

– Как чего? – удивился Виорел. – В гостиницу пойдем, надо же где-то жить! Отдохнем как люди, поужинаем, выспимся. А завтра с утрачка по делам.

– Ух ты! – Костя оживился. – И у осликов бывают праздники, оказывается!

Виорел снисходительно глянул на него, но необидно, как старший брат на карапуза-младшего:

– Да мы, считай, самую муторную часть пути уже одолели. Назад так вообще налегке пойдем. Красота!

Служивый обернулся и с интересом глянул на Виорела с Костиком. Не скажешь, что пристально, скорее мимолетно так. Но Виорел замолчал и напрягся, Костя это сразу почувствовал.

Тем временем впереди наметилось движение, семейство потихоньку покидало вагон с непременным гвалтом и шумом. Основную децибельную составляющую обеспечивал, разумеется, пацан в матросском костюмчике, но и голос его мамы тоже слышался даже из тамбура.

Следом проследовал к выходу работяга, потом служивый. За ними – Виорел с Костей, а у них за спинами топтались молчаливые ребята в камуфле.

Служивый получил перед выходом аккуратный чемоданчик и кобуру, надо понимать – не пустую. Костя с Виорелом – свои мешки, едва Виорел отдал железнодорожнику полученные при посадке жетончики. Чего-то намеревались забрать и парни в камуфле, но Виорел уже спускался по лесенке, и Косте некогда было разглядывать, что именно, надо было подавать свою поклажу.

Благополучно спустившись и навьючившись, Костя наконец-то смог как следует оглядеться.

Поезд прибыл на самый настоящий вокзал, пусть и маленький, одноэтажный, зато каменный. Выложенные мозаикой на центральной башенке крупные письма складывались в слово «Харитма». Начертание букв слегка отличалось от того, чему его учил Виорел и что Костя уже видел в расписании на станции в степи, но разница вполне укладывалась в особенности шрифта: в расписании, что вполне естественно, использовался простейший печатный, а для башенки выбрали позатейливей, с красивостями и завитушками. Но Костя

прочел надпись без труда, хотя и по складам, шевеля губами, как первоклашка: навык читать замысловатые шрифты бегло и глазами еще не вполне наработался.

Перрон был, пожалуй, узковат, зато вымощен тщательно подогнанными друг к другу досками. Людей на перроне и в здании вокзала толпилось и сновало порядочно – прибытие единственного (если верить расписанию и поправке к нему) действующего поезда, несомненно, являлось важным событием для города, но по меркам Земли все же трудно было счесть вокзал многолюдным. Виорелу и Косте вовсе не приходилось протискиваться, места хватало, даже с учетом груза за плечами.

Миновали просторный зал и вышли на привокзальную площадь. Она тоже казалась очень просторной, отчасти из-за того, что самым высоким строением в поле зрения оставалась башенка над вокзалом, а сама площадь по любому измерению во много раз превышала высоту башенки, отчасти из-за широченных улиц Харитмы, вливающихся в саму площадь. В любом случае площадь была значительно больше футбольного поля. Посреди нее, напротив входа в вокзал, располагался уютный скверик – меж малорослых южных деревьев ясно виднелись посыпанные песком дорожки, фигурные лавочки, несколько расписных киосков. Дорога перед вокзалом была вымощена красноватой брусчаткой; у самого тротуара, выстроившись в ряд, дожидались седоков извозчики на занятых двухколесных кибитках с полотняными козырьками. Среди медленно выплескивающейся из вокзала на площадь толпы сновали лоточники с пирожками, бубликами, какими-то местными подвяленными фруктами, сушеной рыбой и бог еще знает с чем. Виорела поминутно дергали за рукав то продавцы, то попрошайки, а он только небрежно отмахивался. Костю почему-то не трогали – то ли распознавали в нем чужака (хотя обувь на вокзале приезжего вроде как святое дело), то ли принимали за человека подневольного и без затей работали на хозяина. От торгашей и попрошаек Виорел кое-как отбил, от извозчиков тоже; они с Костей без задержек прошли через скверик (на лавочках было полно народу, с багажом и без), перешли через еще одну булыжную мостовую и двинулись по улице прочь от вокзала.

– Тут недалеко, – буркнул Виорел и снова замолчал. Костя старался не отставать, потому что на тротуаре было достаточнолюдно, то и дело приходилось лавировать, а народ, как назло, так и норовил оттереть Костю от идущего впереди Виорела.

Шли они минут десять. Толпа на тротуаре несколько поредела и перестала выглядеть толпой. Костя догнал Виорела и пристроился рядом.

Перед деревянным двухэтажным домом с зеленой вывеской при входе Виорел остановился.

– Пришли, – сказал он негромко и принялся снимать со спины вещмешок.

Заведение называлось «Зеленый причал», и была это скорее не гостиница, а постоянный двор или трактир с меблированными комнатами и кухней-столовой. По-джавадьски это называлось «маакуте», Костя прекрасно понимал смысл этого слова, но никак не мог подобрать русского аналога, поскольку слово «гостиница» совершенно точно не подходило.

Ко входной двери примыкало небольшое крылечко под трехскатным навесом. Левее крылечка располагались двустворчатые ворота, частично обитые металлическими полосками. Ворота были закрыты; над ними также был обустроен навес, такой же, как над крылечком, только поуже и очень длинный. Выше этих навесов во всю ширину здания тянулась крытая галерея, так что окна второго этажа прятались в тени. Еще левее ворот на этой галерее стояли в ряд, навалившись локтями на перильца, четверо мужчин и лениво глядели на улицу.

Костя по примеру Виорела снял вещмешок со спины и закинул его на одно плечо.

– Пойдем, – сказал Виорел и поднялся на крылечко.

Дверь словно на заказ открылась, и из здания вышел бородатый детина в синем берете, сером костюме и грубых тупоносых башмаках. Почему-то этот человек показался Косте

похожим на моряка. Виорелу он по-свойски кивнул, словно знакомому, Костю коротко оглядел с головы до ног и молча спустился с крыльца. Виорел вошел в не успевшую затвориться дверь. Костя поспешил за ним.

За дверью вопреки ожиданиям было достаточно светло. Справа от входа открывался большой зал, заставленный столами. Тут было светлее, чем в остальных местах, скорее всего из-за расположенных высоко вверх полупрозрачных куполов, встроенных в крышу. Слева возвышалась конторка, узкая и длинная. Прямо вела широкая лестница на второй этаж.

Поверх ящичков конторки на вошедших взглянул востроносый человек, должно быть, клерк. Он был кучеряв, словно пудель, и почти все время щурился – не иначе, был близорук.

– Виорел! – воскликнул клерк, а потом заговорил на непонятном языке, и, кажется, это вовсе не был язык Центрума. Это был земной молдавский. – Буна сера! Бине аць венит!

– Буня, Фрагуш.

Они перебросились еще несколькими фразами, после одной из которых упомянутый Фрагуш с любопытством посмотрел на Костю, но сразу же отвел взгляд.

– Все, пойдем, – через минуту сказал Виорел по-русски и направился к лестнице. И снова Косте ничего не оставалось, как направиться следом за напарником.

На втором этаже они миновали небольшой холл и углубились в один из трех коридорчиков с дверьми по обе стороны. Их коридорчик вел прямо от лестницы, в глубь здания и прочь от входа, в то время как два остальных – направо и налево, несомненно, вдоль фронтальной галереи над входом.

Примерно посредине коридора Виорел решительно толкнул одну из дверей. Почему он выбрал именно ее, Костя не понял – на двери не было никаких обозначений, надписей или цифр. За дверью обнаружилась небольшая комнатуха с двумя кроватями, столом и умывальником системы «Мойдодыр». Имелось и небольшое оконце, хотя Костя сейчас затруднился бы предположить, куда оно выходит – не иначе, во внутренний дворик, больше вроде бы некуда.

– Ужин я заказал в номер, сейчас принесут, – зачем-то сообщил Виорел. – Располагайся. На сегодня программа завершена. Разрешаю мучить вопросами. Только умоюсь сначала...

Оставив вещмешок у изголовья одной из кроватей, а сапоги с намотанными на них портянками в ногах, Виорел босиком прошлепал к мойдодыру.

* * *

– Вкусно! – оценил Костя с уважением.

На ужин им подали: салат из всего на свете, включая огурцы, помидоры, капусту, зелень и что-то еще, Косте решительно незнакомое. Заправлено было растительным маслом, кажется, оливковым. Еще – хрустящие поджаренные хлебцы, столбиком, на тарелочке; скворчащую сковороду, полную чего-то вроде голубцов – оболочка явно растительная, внутри пряное, аж тающее во рту мясо, и все это в остром горячем соусе. Подано было по-деревенски: «голубцы» прямо на сковороде, салат в миске, большой и глубокой. Персональные тарелки принесли, но Виорел ими особо не пользовался; салат, к примеру, накладывать не стал, ел ложкой непосредственно из большой миски, да и «голубцы» делил на части той же ложкой и лопал точно так же, со сковороды.

Из питья подали вино в большом глиняном графине, домашнее, ароматное и, как выразился Виорел, – нажористое.

– Местное блюдо, – жуя половину «голубца», пояснил Виорел. – Писк и эксклюзив, больше нигде не делают. Ну... почти нигде. Называется «танзо».

Слово было говорящее, Костя перевел бы его как «плотоядное растение».

– Вдоль всего побережья в море коса тянется, там болота всякие, заливы, озера и прочие радости. Озера пресные, как ни странно. Вот там эта травка и растет. Она реально хищная, вроде нашей роснянки, только крупнее. Даже небольшую птицу сожрать может, а уж насекомых ломает так просто горстями. Местные эту травку выращивают целыми плантациями, кормят, а когда голова вырастает до нужных размеров, закладывают туда шмат мяса. Потом, часа через полтора-два, голову вместе с этим мясом – чик! И на сковородку. Сам видишь, что получается, пальчики оближешь.

– Хитро, – оценил Костя, думая немного о другом. – Так, значит, это было все-таки море?

– Море, море, – подтвердил Виорел, в очередной раз доливая вина в стаканы мутного толстого стекла.

– А я на горизонте вроде берег видел. Решил, что река.

– Это ты ту самую косу и видел, – объяснил Виорел. – Открытое море вообще-то дальше на запад, а этот длинный залив называют «фарэ». Лиман по-нашему.

Сковороду совместными усилиями они быстро опустошили и теперь сидели, попивая вино и изредка зачерпывая из миски салатику.

– Давай-ка я тебе расскажу все, что должен знать новичок о Центруме в целом и о Джавалях в частности, – предложил Виорел, и Костя немедленно обратился в слух. – Во-первых, не дуйся, я сознательно оттягивал этот момент. Лучше, когда человек кое-что увидит собственными глазами, тогда в остальное легче поверить. Вот расскажи я тебе про чужой мир прямо тогда, в «Разбойнике», ты бы поверил? Только честно.

– Не знаю. – Костя неопределенно пожал плечами. – Не уверен.

– А я знаю, – заявил Виорел убежденно. – Ни в жизнь! Проверено. Даже уже в Центруме не сразу верят, таково уж свойство человеческой психики. Надо какое-то время потыкаться носом, испытать на собственной шкуре, привыкнуть, наконец. Вот тогда разум уже готов принять невероятное как данность. Потому я и не спешил. А первое время реально лучше поучить местных языки – ты, кстати, старайся больше говорить по-джаваляски, тогда закрепится намертво.

– А проводники в поезде были не джавальцы? – Косте почему-то вспомнилась посадка в вагон на далекой станции в степи. – Ты с ними говорил, но я не понял ни слова.

– Правильно говорить не джавальцы, а джавальеры, запоминай! А проводники действительно не здешние, из Клондала, – подтвердил его догадку Виорел. – Это местная метрополия, самая развитая страна на материке, хотя ей кое-кто уже крепко наступает на пятки. Клондальский, кстати, тебе надо учить обязательно, если думаешь ходить в Центрум. Он здесь вроде английского в нашем мире. Или русского в Советском Союзе. По большому счету, знаешь клондальский – не пропадешь нигде в Центруме. Но и знание местных языков тоже выручает, сам понимаешь. Поэтому после второго прохода советую плотно налечь именно на клондальский. Если со мной пойдешь – обучу, не проблема.

– А возьмешь? – поинтересовался Костя.

– Илья еще долго будет не носильщик, – вздохнул Виорел с сожалением. – Так что возьму, куда деваться. А ты все-таки решился? Прощай, офис, прощай, планктон?

– Да реально надоело, – признался Костя. – Устрою отпуск. Плюс еще и подработаю. Кто ж откажется? Тут, кстати, в море хоть искупаться-то можно?

– Сколько угодно! Только нам пару дней будет не до того, учти. А вот когда все порешаем – ради бога, можно будет на косу сплавать, там пляжи практически пустые. И вода чище.

Виорел отпил из стакана, с легким стуком поставил его на столешницу и продолжил ликбез:

– Едем дальше, друг мой ситный. Ты, наверное, удивлялся, когда мы экипировались перед переходом. И одежде, и остальному снаряжению. Так вот: оно именно такое далеко не от фонаря, а по элементарным соображениям. И дело даже не в том, что Центрум сегодня отстает от Земли лет на сто, если не больше. Дело в причине, которая отбросила Центрум назад, потому что раньше Земля отставала от Центрума. Да, да, отставала, на те же сто лет. Причина заключается в следующем... по крайней мере это наиболее широко распространенная версия. Некий примыкающий к Центруму мир...

Виорел осекся и ненадолго задумался.

– Так, давай сначала немного о другом. О концепции множественности миров.

Костя слушал как зачарованный. Формулировки вроде «концепция множественности миров» от Виорела было слышать странно – до недавнего времени Костя полагал его простоватым торгашом-молдаванином, одним из наводнивших Россию переселенцев, которыми кишмя кишит любой рынок в любом городе или городишке. Большею частью это выходцы с Кавказа и Средней Азии, и встретить их можно не только на рынках, конечно. Но так или иначе, мигранты давно уже сделались неотъемлемой приметой новой России. По их поводу можно радоваться (делают всю рутинную работу – метут дворы, например) или негодовать (подмяли под себя все и вся, везде насаждают свои нравы и обычаи, вплоть до того, что русским в России становится крайне неуютно жить), но игнорировать тот факт, что приезжие стали частью реальности, или отмахиваться от него – попросту глупо. И вдруг – такие умные речи от этого самого «понаехавшего»!

– Представь себе ромашку, – объяснял Виорел. – Желтый кругляш на стебле – это Центрум, а вокруг лепестки. Земля – один из лепестков, ничем особо не примечательный. Остальные лепестки – похожие на Землю миры. Похожие в плане природы, уровень развития может быть какой угодно, от средневековья до первобытности. Есть миры и вообще без людей, но попасть туда проблематично – кто ворота-то откроет? Впрочем, тебе это пока не важно. Главный закон перемещений довольно прост: из любого мира можно попасть только в Центрум. Из Центрума можно попасть куда угодно.

– Пуп Земли? – усмехнулся Костя. – Точнее, пуп Вселенной?

– Можно и так сказать. Однако существует еще один закон, исключения из которого мне неизвестны. Открывать ворота между Центрумом и другими лепестками могут только уроженцы этих самых лепестков. Не все, но многие. Уроженцы Центрума ворота открывать не способны, хотя могут, разумеется, пройти в открытые кем-нибудь другим ворота.

– Ага, – догадался Костя. – Ты велел мне зажмуриться, когда открывал ворота?

– Да.

– А зачем?

Виорел усмехнулся.

– Иногда это действует на неподготовленных людей... неожиданным образом. Лучше уж так, с зажмуренными глазами. Р-раз! И уже на месте. Но вернемся к Центруму, к его проблемам. В один не очень прекрасный день жители одного из миров-лепестков запустили в Центрум некую заразу. Возможно, каких-нибудь зловредных бактерий, возможно – нанороботов, не знаю точно. Эта зараза сожрала в Центруме всю нефть, все доступные углеводороды, и до сих пор она жрет любой пластик, который протаскивают ходоки из других миров. Именно поэтому на нас одежда из чистого хлопка, без нити синтетики, а обувь из натуральной кожи. Именно поэтому у нас в снаряжении начисто отсутствует пластмасса. Металл, дерево, камень и натуральные ткани – вот единственно возможные материалы в Центруме. Ну, может, еще кость, но это уже экзотика.

– Погоди, погоди, – пробормотал Костя. – Это что же получается – никакой электроники? Никаких бензиновых двигателей?

– Именно так, – подтвердил Виорел. – Двигатели только паровые, хотя есть какие-то газогенераторные и которые на угле работают. Только это не двигатели, а слезы, я такие автомобильчики даже видел. Едут еле-еле, чадят, пыхтят, ужас, короче. Зато паровозы тут – у-у-ух, сила! Такие иногда монстры встречаются, аж дух захватывает!

– И никакой авиации, надо понимать? – задумчиво протянул Костя.

– Даже никакого мореплавания. Почти. Только вдоль бережка, как древние греки. В Центруме, ко всему прочему, еще и магнитного поля нет. Так что даже будь у тебя компас из металла, дерева и стекла – толку от него все равно никакого. Поэтому никто не знает, что творится на соседних материках и вообще – есть ли в Центруме другие материки помимо того, где мы сейчас. Но зато уж он здоровущий, сравним с Евразией.

Виорел хитро глянул на Костю и добавил:

– Следующий твой вопрос предугадать нетрудно, поэтому сразу отвечаю: мы находимся на юго-юго-западе материка, на самом побережье. Южнее, если не считать косу, – только океан. Есть ли там какие-нибудь острова или земля пообширнее – мне опять-таки неизвестно. Обитателям Центрума – скорее всего тоже, хотя в Лорее... Лорея – это еще одна страна, сосед Джавала с севера. Так вот, в тамошнем Ректорате теоретически могли сохраниться какие-нибудь сведения о здешней географии. Однако Лорея категорически не склонна делиться знаниями с окружающим миром.

Костя жадно внимал, позабыв даже о вине.

– Я могу, конечно, перечислить тебе и остальные страны, их не особенно много, всего дюжина на весь материк, и ты их названия скорее всего запомнишь, но лучше не забивай сейчас голову второстепенным, привыкай по ходу дела, как я в свое время. Пока достаточно знать, что ты на юго-западе, в Джавале, что севернее в горах расположена Лорея, а еще дальше на север – Клондал, моральный центр Центрума, уж извини за тавтологию. Джаваль – страна не слишком заселенная и не особенно развитая, скорее аграрная, чем индустриальная, хотя кое-какие руды и здесь копают. Правда, занимается этим Сурган, сосед с северо-востока, откуда, кстати, ходит тот самый поезд, на котором мы прибыли.

– Тангол – Харитма, – кивнул Костя со знанием дела, моментально вспомнив расписание на станции. – Тангол, стало быть, город в Сургане?

– Да, столица. Большой город!

– Больше Харитмы?

– Гораздо больше. Харитма, собственно, это даже не совсем город. Это восемь небольших городков или сравнительно крупных поселков, как больше нравится, и они еще толком не слиплись в единый город. Из одного в другой ездить приходится. Самый большой зовется Харитма, мы сейчас как раз в нем. А дела у нас завтра в другом, в Го-Ойдо, Морском Бризе по-нашему.

Это Костя и сам понял, точно так же как давно осознал значение слова Харитма – Степная Роза. Только в названии джавальской столицы слово «степь» было слегка усечено, поэтому точнее был бы перевод Степороза, примерно так.

– Тебе бы учителем в школе работать, – вздохнул Костя. – Очень доходчиво объясняешь!

– Угу, – буркнул Виорел. – В начальных классах. В который раз уже это повторяю!

– Что, носильщики часто меняются?

– Увы! – Виорел вздохнул. – Большинство раз-два со мной сходят и тут же пытаются свой бизнес организовать. Илюха вот только был более-менее, так на тебе – в больницу загребел...

Костя поразмыслил и осторожно высказал то, о чем неизбежно подумалось:

– Значит, не очень правильно у тебя дело организовано. Значит, тебе не наемники нужны, не носильщики, а партнеры!

– Да я и сам уже об этом не однажды размышлял, – грустно сообщил Виорел. – Вот думаю, может, как раз с тобой и попробоваться? Раз уж ты решил отдохнуть от офиса. Мне все равно здесь человек вскорости будет нужен. Только учти: сразу золотых гор не жди, тебе еще осваиваться и осваиваться.

– В каком смысле здесь? – насторожился Костя. – Сидеть в Джавале безвылазно, что ли?

– Ну, не совсем безвылазно, конечно! – уточнил Виорел. – Жить в Центруме после Земли двадцать первого века, честно признаюсь, скучновато. Но оставаться тут на месяц-другой было бы очень полезно. А сам я не могу, у меня на Земле партнеры-производители, а наш народ, ты сам знаешь, как та гордая птица еж – пока не пнешь, фиг почешутся.

Виорел еще какое-то время поразмышлял и добавил:

– Давай так: я проверну сделку и все, что на этот раз намечал; ты покуда осмотришься и поймешь, надо оно тебе или нет – со мной сотрудничать. А на обратном пути как раз и обсудим, чем ты сможешь быть моему делу полезен и сколько за это тебе обломится. Договорились?

– Звучит неплохо, – кивнул Костя. – Главное – мне бы со Шпицем поскорее разойтись.

– Со Шпицем все решим, обещаю. Триста баксов при моих объемах – вообще не деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.